

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ

РУССКАЯ
АРМИЯ
В ИЗГНАНИИ

Белое движение в России

Русская Армия в изгнании. Том 13

«Центрполиграф»

2023

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

Русская Армия в изгнании. Том 13 / «Центрполиграф»,
2023 — (Белое движение в России)

ISBN 978-5-227-10019-1

Книга представляет собой тринадцатый том серии, посвященной Белому движению в России и истории Русской Армии генерала П.Н. Врангеля после 1921 года, когда было принято решение о ее перебазировании в Болгарию и Югославию. Показано, как постепенно чины армии стали рассеиваться по всей Европе и другим континентам, как в 1924 году был создан Русский общевоинский союз (РОВС), крупнейшая военная организация русской эмиграции. В нескольких мемуарах рассказывается об участии, в ряде случаев выдающемся, русских воинских подразделений в событиях внутренней жизни в Албании, Болгарии, Иране, Парагвае. Книга снабжена обширными и впервые публикуемыми комментариями, содержащими несколько сот неизвестных биографических справок об авторах и героях очерков. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-227-10019-1

, 2023

© Центрполиграф, 2023

Содержание

Предисловие	7
Раздел 1	9
В. Даватц1	9
Девятый вал	9
В славянских странах	22
По лицу земли	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Русская Армия в изгнании
Составление, научная редакция,
предисловие и комментарии д.и.н.
Сергея Владимировича Волкова**

Белое движение

Том 13

© С.В. Волков, состав, предисловие, комментарии, 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

Предисловие

Тринадцатый том серии «Белое движение в России» посвящен пребыванию чинов русских белых армий в эмиграции после окончания Гражданской войны.

После того как стала очевидна беспочвенность надежд на возобновление военных действий, армию было невозможно сохранять в неизменном виде, и, по мысли П.Н. Врангеля, она должна была существовать в «полускрытом виде». Было принято решение о перебазировании армии в Болгарию и Югославию.

Переезд войск (сохранивших часть оружия) закончился в середине декабря 1921 года. На севере и северо-востоке Болгарии разместился 1-й армейский корпус со штабом в Велико Тырново, а в южной части страны – Донской корпус со штабом в Стара Загоре. Части армии размещались на работы по строительству дорог, на шахты и т. д., по возможности сохраняя свою организацию. Отношение болгарского социалистического правительства, находившегося под сильным советским влиянием, к армии было крайне неприязненным. Среди командного состава проводились обыски и аресты, и более 100 представителей ее комсостава были высланы в Югославию. Переворот 9 июня 1923 года, приведший к власти правительство Цанкова, резко изменил положение армии, тем более что русские отряды, под руководством генералов Туркула и Витковского, сыграли важнейшую роль в подавлении осеннего коммунистического восстания.

Постепенно чины армии стали рассеиваться по всей Европе, причем основной поток устремился в Чехословакию (где были созданы условия для завершения и получения высшего образования), Бельгию и Францию, куда переезжали в организованном порядке в отдельные города (иногда имея контракты на работу на местных предприятиях) целые группы офицеров определенных воинских частей. Офицеры, имеющие ранее осевших в Европе родственников, стремились воссоединиться с семьями. Но большинство чинов армии в начале 20-х годов было сосредоточено на Балканах.

К середине 1920-х годов армия не могла более существовать как армия. Ввиду недостатка средств, все трудоспособные военнотруженики перешли на собственное содержание, а поиски работы делали невозможным сохранение частей в прежнем виде. Выход был найден бароном П.Н. Врангелем в сохранении армии в виде Русского общевойскового союза (РОВС), состоящего из различных воинских объединений и союзов, а также штабов и кадра отдельных частей и соединений. Центром продолжала пока оставаться Югославия и частично Болгария. Некоторое количество русских офицеров осело в Африке. В Бизерту, куда эвакуировалась Русская эскадра, прибыло 5200 человек, в том числе около 1 тысячи морских офицеров и гардемарин Морского корпуса. Оттуда, не считая 0,5 тысячи раненых, еще ранее помещенных во французские госпитали, свыше 3 тысяч человек выехало во Францию, а до 1,5 тысячи остались в Тунисе. Наиболее известная русская колония в Южной Америке до Второй мировой войны сложилась под руководством генерала И.Т. Беляева в Парагвае, куда организованно переезжали эмигранты из Европы. Русские офицеры сыграли там выдающуюся роль в ходе войны с Боливией в 1932–1935 годах.

Вторая мировая война послужила важным рубежом в судьбах русской военной эмиграции, и судьбы эти сложились в зависимости от стран проживания: жившие на Балканах, в Восточной Европе в основном служили в созданном 12 сентября 1941 года Русском корпусе (через его ряды в общей сложности прошло свыше 17 тысяч человек) и других русских антисоветских объединениях, и после войны многие из них были схвачены большевиками и частью расстреляны, частью сгинули в лагерях. Жившие в Западной Европе (прежде всего во Франции) избегли этой участи. Но после 1945 года начался массовый исход и тех, и других в США и Южную Америку (прежде всего в Аргентину).

После войны основными центрами проживания уцелевших русских офицеров, помимо Нью-Йорка, Сан-Франциско и Лос-Анджелеса, в США стали Лейквуд, Патерсон, Наяк, Вайнленд, Ричмонд, Сиэтл, в Аргентине – Буэнос-Айрес, в Бразилии – Сан-Паулу, в Австралии – Сидней и Мельбурн, в Англии – Лондон и Манчестер, в Бельгии – Брюссель, во Франции, помимо Парижа, Ниццы и Канн, – места расположения старческих домов: Монморанси, Кормей-ан-Паризи, Сент-Женевьев-де-Буа, Ментон, Ганьи и Шелль. Именно там после 1945 года умерло абсолютное большинство русских офицеров (последние из них умерли в 1990-х годах).

В настоящем издании собраны воспоминания русских белых офицеров о жизни в эмиграции. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской печати. Эти воспоминания никогда в России не публиковались.

Содержание тома разбито на три раздела. В 1-м разделе публикуются воспоминания о расселении армии по Балканским странам и жизни в рассеянии. В двух других собраны воспоминания о службе русских в Персидской казачьей дивизии (2-й раздел) и о жизни в Парагвае (3-й раздел).

Как правило, все публикации приводятся полностью. Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Возможны разночтения в фамилиях участников событий, географических названиях и названиях организаций и воинских частей (использовании прописных и строчных букв); их правильное написание – в комментариях.

Книга иллюстрирована большим количеством фотографий из архива личного секретаря генерала Врангеля Николая Михайловича Котляревского. Фотографии предоставлены его дочерью и внучкой графинями М.Н. и Е.В. Апраксинами, за что автор-составитель и издатели выражают им глубокую благодарность.

Раздел 1

В. Даватц¹

Годы. Очерки пятилетней борьбы²

Девятый вал

Едва ли часто создавалось в мировой истории такое сложное положение, которое испытывала Русская Армия, очутившись на кораблях у Золотого Рога. Та буря, которая выбросила на эти берега Русскую Армию, обрушивалась на нее своим девятым валом.

Те затруднения внутреннего характера, которые описаны в предыдущем томе, с большим напряжением сил преодолевались в течение целых пяти лет. У ворот Стамбула армия встретилась с более сложными, внешними затруднениями; причем с такими затруднениями, которые должны были разрешиться во что бы то ни стало, и разрешиться в самый кратчайший срок. Положение неимоверно усложнялось полной непримиримостью взглядов союзных правительств и Главного командования армии.

С падением Крыма союзные правительства усвоили взгляд на окончательную ликвидацию «вооруженной борьбы с большевиками». Англия восприняла его уже ранее, после Новороссийска; Франция делала последнюю ставку на Польшу и ради Польши помогала крымскому правительству, теперь необходимости в этом не было. В сознании европейских правительств не возникало мысли, что во многом происшедшие неудачи объясняются их собственной политикой полумер, а иногда – как это было с армией Юденича и с эвакуацией Одессы – было связано с прямым предательством общего дела. Причину искали то в «стихийности» большевизма, то в недостаточности «демократичности» антибольшевистской коалиции. До сознания европейских правительств не доходила мысль, что, отступив раз перед «стихийностью», они должны будут рано или поздно столкнуться с этой «стихийностью» у себя дома. О будущем не хотелось думать. Каждое правительство было озабочено своим долголетием и не думало о том тяжелом наследии, которое могло передаться последующим кабинетам. Момент настоящего заслонял собой перспективы будущего, и каждый из государственных деятелей мог сказать про себя: «Après nous – le deluge» («После нас – хоть потоп»).

Конечно, из такого мировоззрения вытекало желание как можно скорее развязаться с воспоминаниями о противобольшевистской борьбе. А те, которые немного думали о грядущем «deluge» («потопе»), стали строить уже новые перспективы приобщения этой «стихийной» силы к семье европейских наций и обуздания ее обычными методами европейской культуры: прежняя непримиримость психологически отпадала.

Русская Армия оказывалась ненужной – не только для настоящего, но даже для отдаленного будущего. И не только ненужной, но, пожалуй, вредной. Из различных предпосылок руководители иностранной политики приходили к одному и тому же выводу, что и наши русские социалисты в компании с г. Милюковым: Русскую Армию надо распылить.

Главное командование считало своей обязанностью не только сохранение в полной неприкосновенности Крымских частей, но объединение всего зарубежного русского воинства для одной ясной и определенной цели – борьбы с большевиками. Но для этого в первую очередь надо было не только сохранить, но еще больше спаять основное ядро, размещенное в лагерях Константинополя, Галлиполи и Лемноса. В зашифрованной телеграмме генерала Вран-

геля, посланной 10 декабря 1920 года в Париж на имя П.Б. Струве³, Главнокомандующий дает инструкцию о направлении переговоров о судьбе армии. В этой телеграмме настаивается: 1) чтобы было улучшено ее крайне тяжелое материальное положение; 2) чтобы был сохранен фактический строй армии и воинская дисциплина и 3) чтобы армия и ее Командование не были поставлены в зависимость от какой бы то ни было политической или общественной организации. «Между Новороссийском и Севастополем та разница, – заканчивалась телеграмма, – что нам удалось вместо бесславного конца спасти честь армии и того дела, за которое она дралась. Мы не можем и не должны допустить, чтобы нас теперь не только лишили надежды на будущее, но и развенчали наше дело и понесенные армией кровавые жертвы».

Эта разница между Новороссийском и Севастополем чувствовалась всеми. Но тем не менее потрясения, перенесенные во время эвакуации, были так сильны, неизвестность – так ужасна, лишения – так непереносимы, что перед командованием ставилась задача не только сохранить физическую жизнь людей, не только спасти воинскую организацию, но в этих труднейших обстоятельствах – в условиях изгнания, противодействия великих держав, попустительства и предательства русских людей – возродить ядро Русской Армии.

Тотчас же по прибытии транспортов в Константинополь, 18 ноября 1920 года, начальник штаба французского Оккупационного корпуса, полковник Депре, издал приказ, коим предписывалось отправить 10 000 человек на остров Лемнос и 20 000 человек в Галлиполи. Исполнение приказа, минуя Главнокомандующего, возлагалось на нашего военного представителя, генерала Черткова, которому предлагалось организовать в лагерях «русское командование» с подчинением его французским комендантам.

В тот же день генерал Врангель сообщил командиру французского Оккупационного корпуса, генералу Шарпи, что вся организация Русской Армии уже проведена. «Ввиду изложенного прошу Вас приказ в части, касающейся организации Русской Армии, отменить и предписать вашим представителям в вопросах организации Русской Армии руководствоваться моим приказом, обращаясь за выяснением всех вопросов к назначенным мною начальникам, коим предоставить все полномочия по организации и внутренней жизни войск. В противном случае я и назначенные мною генералы не можем нести ответственности за могущие произойти нежелательные явления в русских войсках». Письмо заканчивалось лаконично и твердо: «Из указанных в моем приказе корпусов – 1-й направляется в Галлиполи, а Кубанский – на остров Лемнос».

Первая попытка самостоятельно распоряжаться «русскими беженцами» потерпела неудачу – и распределение между Галлиполи и Лемносом было совершено согласно приказу Главнокомандующего.

Вторая попытка такого же рода была сделана вскоре после этого, 23 декабря 1920 года, новым приказом полковника Депре. В приказе этом указывалось, что «в согласии с русским командованием» (?) в каждом лагере учреждается должность «командующего лагерем», каковая обязанность возлагается на французского офицера. При этом офицере будет состоять русский комендант лагеря, который будет ему во всех случаях подчинен, каковы бы ни были их чины». Далее излагался план организации «русских лагерей». Русскому коменданту вменялось в обязанность организовать отделы: 1) личного состава; 2) артиллерийский (собрание и содержание оружия всякого рода); 3) инженерный (постройки в лагере); 4) интендантский и 5) санитарный.

Таким образом, не только в вопросе подчинения, но в вопросе всей организации была сделана новая попытка французов взять инициативу в свои руки.

При личном свидании Главнокомандующего с генералом Шарпи последний назвал приказ своего начальника штаба «недоразумением» и обещал, что он не будет проведен в жизнь.

Между тем в декабре 1920 года командир французского отряда в Галлиполи, подполковник Томассен, обратился с требованием к генералу Витковскому⁴, временно командующему 1-

м корпусом за болезнью генерала Кутепова⁵, сдать оружие и мотивировал это приказом Дебре о «подчинении русского коменданта во всех отношениях». Генерал Витковский, конечно, отказался выполнить это требование и рапортом Главнокомандующему просил разъяснить: 1) действительно ли 1-й корпус подчинен французскому коменданту и в каких именно отношениях и 2) надлежит ли сдать французам оружие согласно их требованию.

О характере разъяснения видно из дальнейшей переписки между начальником штаба Русской Армии генералом Шатиловым и полковником Дебре. Указав, что новый комендант Галлиполи, подполковник Томассен, предъявил требование безусловного ему подчинения командира 1-го корпуса, генерал Шатилов писал: «Главнокомандующий приказал мне поставить Вас в известность, что им вместе с сим посылается разъяснение вр. командующему 1-м армейским корпусом генералу Витковскому, а также и прочим командирам корпусов, что в решении принципиальных вопросов распоряжение должно исходить исключительно от Главнокомандующего, почему требование подполковника То-массена о сдаче оружия в исполнение приводиться не должно». (Два описанных эпизода, насколько мне известно, не отмечены в галлиполийской литературе. Между тем они имеют большое значение для понимания событий.)

Перечитывая эти документы недавнего прошлого, трудно поверить, как при всей совокупности тяжелых обстоятельств уцелела Русская Армия. Один неправильный тон, одно чуть заметное колебание могли испортить все дело и закончить эпопею славной борьбы позором нового разложения и дезорганизации.

Но тон был дан сверху – и этот тон оказался правильным. Он был понятен – и он единственный был приемлем, потому что все действительно ощущали, что между «Новороссийском и Севастополем» – громадная разница.

Вместо развала и упадка корпуса Галлиполи и Лемноса не только не разлагались, но духовно росли и укреплялись.

Я не буду говорить здесь о тех страданиях, которые испытывали лемносцы, и о тех духовных достижениях, которыми по праву гордятся галлиполийцы; эта эпоха имеет свою, уже достаточно обширную литературу. Осторожный и скрытный генерал Абрамов⁶ и железный, волевой «творец Галлиполи» генерал Кутепов войдут в историю этих лет, со своей яркой индивидуальностью, а порой – и с красивыми легендами, окружающими эти имена.

Моя задача – дать в этой книге только некоторые штрихи, может быть доселе неизвестные, и, потушив в себе невольное пристрастие к дорогим воспоминаниям и дорогим именам, посмотреть на Галлиполи и Лемнос с того птичьего полета, когда даже высокие храмы кажутся небольшими хижинами. Но с этой высоты теряется лабиринт улиц, вырисовывается общий план, видны дороги, которые загораживались строениями, видны строения, которые загораживались деревьями. С этой высоты – каждое здание получает свое место, свой смысл, свою роль в общем плане.

В Галлиполи и Лемнос попал голос Главнокомандующего не напрасно. Как в хорошем резонаторе, отразился он в тысячах людей, возбудил их дух, их самодеятельность, заставил поверить в себя, осознать свои силы, обрести великую радость человеческого единения.

И это новое, что зарождалось на дарданелльских берегах, шло обратно, в Константинополь, к сердцу Русской Армии, и давало Главнокомандующему новые силы для борьбы. А борьба была каждый день и каждый час.

Сохраняя всеми способами Русскую Армию от распыления, протестуя против перевозки отдельных людей, без плана и подготовки, на неизвестные условия жизни в Бразилии, оберегая против агитации «возвращенцев», Главнокомандующий уже в декабре 1920 года ясно видел необходимость расселения армии по различным странам и начал соответственные переговоры.

В первую очередь стояли, конечно, славянские страны: Королевство С.Х.С. и Царство Болгарское. Но было совершенно несомненно, что расселение по этим странам встретит очень большие препятствия. И в Болгарии и, главным образом, в Сербии было расселено уже доста-

точное число гражданских беженцев, предшествовавших эвакуаций. Поэтому переговоры о размещении частей велись также с Чехословакией, Грецией, Венгрией – и даже самые незначительные возможности не были упущены из виду. С японским военным представителем, майором Такахаси-сан, велись переговоры об отправке уроженцев Сибири на Дальний Восток в распоряжение дальневосточного правительства. С согласия старшин кумыков, кабардинцев и осетин (которых насчитывалось в наших лагерях до 500 человек) было возбуждено в декабре 1920 года ходатайство перед правительством Грузии о возвращении их на родину. Были попытки устроить некоторое количество инвалидов в Афонских монастырях. Но все эти переговоры не противоречили главной цели – сохранению армии.

Переговоры с Грецией и Чехословакией не дали должных результатов. Российский посланник в Афинах г. Демидов телеграфировал, что, несмотря на сочувствие Короля Эллинов, едва ли можно рассчитывать на удовлетворительные результаты вследствие начавшейся войны с кемалистами. В Чехословакии, несмотря на благоприятное общественное мнение и горячую поддержку верного друга русских К.П. Крамаржа, вопрос – как, впрочем, и повсюду – встретил большие осложнения вследствие отсутствия соответствующих кредитов. Отправка на Дальний Восток отпадала, так как Япония, в принципе отнесясь благоприятно, дала понять, что это может быть осуществлено только общими усилиями великих держав, а 17 июня 1921 года верховный комиссар Японии Ушида уже официально, в любезных дипломатических выражениях, сообщал об отказе от транспортирования намеченной партии в 4000 человек. Оставалась одна надежда – на Сербию, Болгарию и Венгрию. Между тем положение русских частей становилось трагическим.

В начале 1921 года премьер-министр Франции заявил о прекращении финансовой и материальной помощи армии с 1 февраля 1921 года. После целого ряда принятых мер со стороны Главного командования, командующий Оккупационным корпусом генерал Шарпи уведомил официально, что «французское правительство не намерено оставлять на произвол судьбы русских беженцев».

Но в середине марта верховный комиссар Франции генерал Пелле сообщил Главнокомандующему, что, согласно полученным из Парижа распоряжениям, довольствие армии прекращается с 1 апреля; поэтому чинам армии необходимо прийти к одному из трех решений: 1) выехать в Советскую Россию; 2) эмигрировать в Бразилию; 3) искать себе частного заработка.

Главнокомандующий ответил, что он не может рекомендовать ехать в Советскую Россию – на верную смерть или в Бразилию – на полную неизвестность.

Тогда началась та постыдная страница франко-русских отношений, когда – из желания снять лишних людей с отпускаемого пайка – местные агенты французской власти повели открытую агитацию против русского командования и уговорами и угрозами пробовали привести приказ в исполнение.

В Галлиполи, переживавшем в это время расцвет своих духовных сил, приказ этот не отразился совсем – его просто игнорировали. На Лемносе это привело к целому ряду трагических сцен, вплоть до насильственной отправки группы казаков в Советскую Россию. Среди множества доказательств печальной участи казаков, отправленных в Советскую Россию, приведем надпись, обнаруженную на пароходе «Решид-паша» при перевозке частей из Галлиполи в Болгарию. Надпись эта, вырезанная в нижнем трюме, гласила: «Товарищи! Мы приехали в О дес 3500 казаков, и скоих было 500 растрелено Аснальных по тюрьмам и по военным лагер. И на принудительн. работы. Я козак Мороз ст. 11 Гнутов со мною не знаю что будет».

В негодующем письме по этому поводу на имя генерала Пелле генерал Врангель говорил: «Не только для солдат, но даже для рядового офицерства истинная роль Франции в истекшей великой борьбе не будет столь ясной, как жгучее чувство негодования и обиды при виде жестокой расправы последних дней».

Обращаясь к маршалам Франции, генерал Врангель указывал, что им делается все возможное, чтобы снять с Франции финансовое бремя содержания Русской Армии. «Усилия наши далеко не бесплодны. Из 150 000 ртов, прибывших из Крыма, уже теперь осталось меньше половины – около 60 000 человек». Но мероприятия последних дней оскорбительны для чувства русского солдата; агенты французской власти пренебрегли «узами крови, коими скреплены народные армии двух великих наций, начиная с Марны и Восточной Пруссии, продолжая Соммой и Брусиловским наступлением и кончая самоотверженной гибелью русских офицеров, почти одних отважившихся на «революционное» выступление 1917 года».

Широкая волна негодования, отразившаяся даже во французской печати, спасла на этот раз армию от уничтожения. Российский посол в Париже В.А. Маклаков, в полном согласии с Совещанием Послов, предпринял энергичные шаги в Париже. Г. Перретти, ведающий русскими делами в Министерстве иностранных дел, заявил, что применение мер к распылению не требует немедленного и буквального исполнения. Но каждую минуту острота положения могла вновь усилиться. Упрекая генерала Врангеля в том, что он противодействует расселению войск, генерал Пелле писал 1 апреля 1921 года: «В последний раз, генерал, я обращаюсь к Вашему уму и испытанному характеру, чтобы Вы выяснили для тех, кто последовал за Вами, всю печальную действительность в ее настоящем виде. Без этой помощи, мне кажется, невозможно предотвратить от катастрофы 60 000 солдат, остающихся в Галлиполи и на Лемносе, которая им угрожает со дня на день, и ответственность, за которую они впоследствии могут поставить Вам в вину».

Вслед за угрозой начался новый поход на армию. Французское правительство не останавливалось перед дальнейшим ее разложением. Агентство Гаваса опубликовало 17 апреля 1921 года сообщение, в котором обвиняло генерала Врангеля в том, что «он противится всем мерам, которые принимают французские военные власти, чтобы положить предел расходам, взятым на себя Правительством Республики из чувства гуманности», для чего «производит постоянное давление на своих бывших солдат». «Французское правительство твердо решило в согласии с державами, что эти эвакуированные более не представляют армии». «Ввиду образа действий, принятого генералом Врангелем и его штабом, наши международные взаимоотношения заставляют нас вывезти эвакуированных из Крыма из подчинения его власти, не одобряемой, впрочем, всеми серьезными и здравомыслящими русскими кругами». «Необходимо прекратить его общение с солдатами».

Были получены тревожные сведения о решении ареста Главнокомандующего. Опасаясь быть арестованным на яхте «Лукулл», генерал Врангель с дивизионом своего конвоя спешно переехал в здание российского посольства в Константинополе.

Перед риском вызвать кровопролитие, которое сейчас же отразилось бы на выступлении 1-го корпуса в Галлиполи, французы остановились в нерешительности. Создавалось тревожное состояние неустойчивого равновесия.

В то время как французское правительство почти официально обвиняло Главное командование в сопротивлении мерам, чтобы «положить предел расходам», русский военный представитель в Венгрии вел энергичные переговоры с венгерским правительством. После длительной трехмесячной подготовки полковник фон Лампе⁷ обратился 1 апреля 1921 года с официальной просьбой принять часть военных контингентов.

Учитывая значение голоса представителей Антанты, полковник фон Лампе частным образом беседовал с верховными комиссарами в Будапеште. Верховный комиссар Франции, г. Фуше, обещал сохранять в этом деле «нейтралитет». В том же смысле – что это вопрос исключительно венгерского правительства – высказался верховный комиссар Англии, г. Джонсон. Верховный комиссар Италии, князь Кастаньето, ответил, что вопрос этот – сложный, что сам он решить его не может и что донесет своему правительству.

На просьбу о размещении наших контингентов королевский венгерский министр государственной обороны, г. Беличка, запросил 9 апреля Междусоюзническую военную миссию, которая только 19 апреля сообщила, что «дело это касается вопросов общей политики», «не может быть решено компетенцией военных миссий» и должно быть передано Конференции дипломатических представителей союзных держав.

Конференция не торопилась с ответом.

Министр обороны г. Беличка, видимо сам с нетерпением ожидавший ответа, сообщил полковнику Лампе 6 июля 1921 года, что «невзирая на симпатии, с которыми мы, как едва освободившийся от большевистской опасности народ, идем навстречу чинам армии генерала Врангеля», решить этот вопрос, «вследствие Трианонского мирного договора», возможно только после ознакомления со взглядом союзных держав. Министр иностранных дел венгерского правительства, по примеру министра государственной обороны, подтвердил о полной готовности Венгрии принять часть армии. Все зависело теперь от согласия представителей Антанты.

Конференция представителей Антанты вынесла по этому делу решение 21 июня, но постановление это было сообщено венгерскому министру государственной обороны почти через месяц – 19 июля. Постановление это подписано верховным комиссаром Италии, князем Кастаньето, и настолько чудовищно по своему содержанию, что я считаю необходимым привести его текстуально.

Бумага эта гласит:

«Конференция Дипломатических Представителей Главнейших Союзных Держав в Будапеште.

Конференция Дипломатических Представителей получила через Между союзную миссию ноту от 9 апреля 1921 г., в которой Венгерский Министр Государственной Обороны передал ей копию отношения полковника фон Лампе, в котором он испрашивает в Венгрии убежища для 36 000 солдат и 12 000 офицеров – беженцев армии Врангеля. Верховные Комиссары Главнейших Союзных Держав ограничиваются тем, что обращают внимание Венгерского Правительства, что, несмотря на большую желательность, чтобы указанные контингенты были сосредоточены в кратчайшее по возможности время, они считают безусловно необходимым указать Венгерскому Правительству, что внедрение этих элементов на венгерской территории и принятие в полной мере ходатайства фон Лампе могло бы ускорить беспорядки и облегчить антибольшевистские интриги, противные истинным интересам Венгрии и всего цивилизованного мира.

Кастаньето, председатель Будапешт, 21 июня 1921 г.».

Ответ князя Кастаньето, как мы видим, не только почти парализовал ту помощь, которую мы могли получить от Венгрии; в трагических условиях чуть ли не голодной смерти для недавних союзников он не только прозвучал величайшим равнодушием и неблагодарностью; в мотивировке его, препровожденной министру страны, только что пережившей зверства Белы Куна, представитель Антанты счел возможным цинично говорить об «антибольшевистских интригах, противных истинным интересам Венгрии и всего цивилизованного мира»...

Последняя надежда была, конечно, на славянские страны на Балканах. Генерал Шатилов, А.С. Хрипунов⁸ и Н.Н. Львов⁹ спешно выехали в столицы Сербии и Болгарии хлопотать о срочной помощи. Прибыв в Белград, генерал Шатилов представился 13 апреля Н. Пашичу и вручил ему письмо генерала Врангеля для Престолонаследника Александра, Регента Королевства. Королевич Александр принял генерала Шатилова в милостивой аудиенции. Но перед правительством самым стоял вопрос: что реальное оно может оказать?

Момент был чрезвычайно тяжелый. Экономические раны от Великой войны были еще свежи. Финансы были расстроены. Белград еще был в развалинах. Вокзалы стояли обуглен-

ными – и подвижного состава, с выбитыми дверями и стеклами, не хватало для самых минимальных потребностей. К тому же Сербия была уже наводнена русскими беженцами – и удвоить их число было почти не под силу.

Внешнее политическое положение было тоже неблагоприятным для постановки вопроса о принятии армии. Правда, Сербия была доблестным членом союза держав-победительниц; но Адриатическое море – это яблоко раздора между Сербией и Италией – заставляло итальянцев чутко прислушиваться ко всем деталям размещения наших контингентов. Возможность размещения их на Далматинском побережье уже вызвала у итальянского посланника некоторое беспокойство.

Внутреннее положение тоже было неблагоприятно. Приезд генерала Шатилова в Белград совпал с окончанием разработки основных законов и началом заседаний Учредительного собрания. Министру внутренних дел предстояло отвечать перед парламентом на запрос коммунистов по поводу принятых правительством энергичных мер, не предусмотренных законом: от результата голосования зависела участь кабинета. Смерть военного министра Иовановича и покушение на жизнь заместителя его, министра внутренних дел Драшковича, отодвигали на второй план вопрос о спешной переброске частей.

К самому вопросу о принятии войск для расселения в Сербии существовало некоторое недоверие. Во-первых, правительство Королевства могло принять их не на свое иждивение, но как рабочую и отчасти военную силу – на постройки дорог и на пограничную стражу. Надо было получить гарантии, что хотя бы на первое время части армии будут обеспечены собственными ресурсами: денежный вопрос встал во всей своей полноте. Во-вторых, способность русских контингентов, в которых прежде всего видели «аристократов» и «белоручек», была для сербских властей под большим сомнением. Министр путей сообщения не доверял искусству наших солдат и казаков и почему-то сомневался в способности даже военно-технических специалистов. Военный министр колебался в решении принять наши части на пограничную стражу: его смущала мысль о возможности проникновения через ее ряды большевистских агентов.

Можно смело сказать, что благоприятному решению вопроса мы обязаны исключительно доброй воле и желанию председателя совета министров Н. Пашича. Но все изложенное выше показывает, с каким трудом разрешался этот жизненный для армии вопрос.

Очень крупную роль в деле переговоров сыграл российский посланник в Белграде В.Н. Штрандтман¹⁰. В самые тяжелые минуты для Сербского Королевства, в момент наступления австро-германской армии, он являлся представителем Российской империи: конечно, он должен был пользоваться большим влиянием. Теперь, когда трагические минуты жизни армии как-то стерли противоречия между Главным командованием и Совещением Послов, В.Н. Штрандтман мог оказывать действительную помощь, не вступая в коллизию с Парижем.

Общими усилиями – обращением Русского Совета, Главнокомандующего, общественных организаций, телеграммами российского посла в Константинополе А.А. Нератова¹¹, оказавшего неоценимые услуги Русской Армии, – были получены необходимые средства от Совещения Послов. С получением их создавалась некоторая база для переговоров.

Тем не менее они шли туго. В самом начале, 13 апреля, говорилось о 5000 человек на шоссейные работы, 5000 человек на пограничную стражу и, предположительно, о 2000 человек на службу на железных дорогах; к 26 апреля был вопрос всего о 4000 рабочих в район Скопье. На следующий день Министерство общественных работ гарантировало всего прием 3500 человек, и только в середине мая была установлена возможность поставить на работы до 5000 человек. Вопрос о пограничной страже сперва был решен отрицательно, и только 21 июня В.Н. Штрандтман телеграфировал о благополучном его разрешении.

Между тем события требовали спешного выезда или хотя бы начала его. Греческое правительство дало пропуск и бесплатный проезд по железной дороге от Салоник до погранич-

ной станции Гевгели. Российский посланник телеграфировал о настоятельной необходимости везти с собой палатки и кухни, ибо никаких способов разместить людей в Македонии на первых порах не было. Спешные приготовления были сделаны. Оставалось привести разработанный план в исполнение.

В самый последний момент возник новый и совершенно непредвиденный конфликт с французским командованием из-за плана эвакуации и его общего характера.

Главнокомандующий считал необходимым в первую очередь разгрузить Лемнос. Помимо того что казаки на Лемносе терпели особенно острые лишения и скорее вывезти их из этой «водяной тюрьмы» представлялось наиболее справедливым, Главнокомандующий учитывал те возражения и колебания, которые высказывали сербские министры, давая согласие на постановку людей на работы: казаки, по самому складу их жизни и быта, казались более подходящим элементом для тяжелых физических работ, тем более что в казачьих частях был ничтожный процент офицеров в сравнении с процентом офицеров в 1-м армейском корпусе.

Французы, наоборот, требовали в первую очередь разгрузки Галлиполи. Несомненно, в этом лежала глубокая политическая и стратегическая причина. Как только 1-й корпус, совершенно восстановивший старую дисциплину и традиции армии, бесконечно преданный своему командиру генералу Кутепову, уходил с Галлиполийского полуострова, – в тот момент Главное командование теряло могучую физическую поддержку: штаб армии в Константинополе оставался предоставленным самому себе.

По вопросу о характере самой эвакуации возникла вновь резкая переписка между верховным комиссаром Франции и Главнокомандующим Русской Армией. Напомнив, что «все русские, еще живущие в лагерях, должны знать, что армия генерала Врангеля больше не существует и что их бывшие начальники не имеют больше права отдавать им какие-либо приказания», генерал Пелле писал генералу Врангелю: «Я заключаю из Ваших слов, что контингенты должны перевозиться в Сербию с палатками, походными кухнями, госпитальным и хозяйственным имуществом. Я позволю себе напомнить, что сербское правительство до сих пор всегда подчеркивало свое намерение оказать приют беженцам, а не армии. Важность этого различия с международной точки зрения не может от Вас ускользнуть. Поэтому я считал бы недопустимым, чтобы имущество, которое возьмут беженцы, носило характер военного груза».

Генерал Врангель ответил письмом 16 мая 1921 года: «Желание французского правительства, чтобы «армии генерала Врангеля» не существовало и чтобы «русские в лагерях» не выполняли приказаний своих начальников, несомненно, разделяемое Вашим Превосходительством, отнюдь не может быть обязательным для «русских в лагерях», и, пока «лагери» существуют, русские офицеры и солдаты едва ли согласятся в угоду французскому правительству изменить своим знаменам и своим начальникам».

Указав на меры, предпринятые им по рассредоточению армии, генерал Врангель писал: «Что касается принятия мною самостоятельных решений, чему, по Вашему заявлению, Вы намерены воспротивиться, то я, к глубокому сожалению, вынужден право это все же оставить за собою. В заключение я позволю себе остановиться на вопросе о снабжении отправляемых в Сербию людей. Вполне разделяя Ваши соображения о необходимости избегать всякого намека на военный характер материальной части отправляемых партий, я все же полагаю, что кров и пища одинаково необходимы и солдату, и рабочему».

Резкий обмен письмами и целый ряд дипломатических шагов и на этот раз заставили французов уступить. Армия начала грузиться по плану, разработанному штабом Главнокомандующего, со своим необходимым имуществом – и в первую очередь был разгружен Лемнос.

В самый разгар французского давления целый ряд русских общественных организаций, во главе с председателем Совета общества единения русских в Болгарии господином Молловым, обратился к министру председателю болгарского правительства господину Стамболийскому с горячим воззванием.

Изложив то безвыходное положение, в какое попала армия, авторы воззвания писали: «Нижепоименованные русские общественные организации в Болгарии не осведомлены в точности о намерениях генерала Врангеля. Но они знают об истинном отношении болгарского народа к русским. Организации эти твердо верят, что русский воин – не чужеземец для болгарского крестьянина, а свой брат славянин. Они убеждены, что нет дома болгарского селянина, где не нашлось бы места русскому солдату». «Русские общественные организации почитают себя вправе ожидать, что болгары, чтущие прошлое, протянут руку помощи оказавшимся в тягостнейших условиях русским». На основании этого русские организации просили срочно поставить в Совете министров вопрос «о приеме и размещении в сельских местностях Болгарии части армии генерала Врангеля».

Генерал Шатилов, после своих переговоров в Белграде, направился в Софию, где ему было оказано горячее содействие российским посланником в Болгарии А.М. Петряевым. В записке председателю Совета министров, поданной 21 апреля, генерал Шатилов, ссылаясь на благоприятные результаты в Сербии, просил господина Стамболийского «от имени Русской Армии, отцы которой обагрили своей кровью поля Болгарии за освобождение от ее поработителей», принять сейчас же 7000 казаков, томящихся на Лемносе.

Как и в Венгрии, вопрос этот в Болгарии зависел от взгляда держав-победительниц. Но в Софии вместо противодействия он встретил горячее содействие французского посланника господина Пико. Затруднения были главным образом финансового свойства. Интересно, что, характеризуя общее положение в Софии, господин Петряев писал: «Ассигновать особые кредиты на это дело болгарское правительство не может без согласия Союзной финансово-контрольной комиссии, со стороны которой, ввиду присутствия в ней англичан, несомненно встретятся затруднения».

Вопрос об использовании для этой цели болгарского государственного долга России был явно безнадежным. Министерство финансов было склонно считать его совершенно исчерпанным расходами на содержание наших военнопленных и отправку материалов на Юг России (в таком же положении очутился вопрос об использовании долга Греции). Перед командованием встал снова вопрос об изыскании денежных средств.

Тем не менее 2 мая болгарское правительство дало разрешение на прием 1000 человек и 10 мая увеличило это количество до 2000 человек, которые принимались на работы. Однако, несмотря на это, французское командование тормозило дело отправки как в Болгарию, так и в Сербию. «Все бывшие препятствия к перевозке первых партий казаков в Сербию и Болгарию ныне устранены, – телеграфировал 14 мая генерал Шатилов военному представителю в Париже, генералу Миллеру¹². – Тем не менее французское командование все же тормозит перевозку. Главнокомандующий усматривает определенное нежелание местного командования идти на расселение контингентов в условиях нам благоприятных, так как перевозка в Совдепию или Бразилию совершалась мгновенно. Главнокомандующий просит Вас при содействии г. Гирса¹³ побудить французское правительство принять энергичные меры и заставить Пелле и Шарпи немедленно приступить к перевозке».

Пассивное противодействие французов вскоре вылилось в активные действия. Вопреки выработанному плану, французы потребовали снова разгружать сперва Галлиполи. Вечером 21 мая французское командование сообщило генералу Кутепову, что утром 23 мая в Галлиполи прибудет пароход, который погрузит 50 офицеров и 950 солдат для отправки на работы в Болгарию. Два дня шла соответствующая агитация. Генерал Кутепов немедленно отдал приказ по корпусу, воспреещающий самовольные отправления. Указав, что отправление должно производиться целыми частями, ибо только в таком порядке перевозки не будет распыления, генерал Кутепов писал: «Всех, кто пожелает исполнить предложение французского командования и тем прикрывать свои личные шкурные интересы в тяжелые дни армии, – перевести

на беженское положение и предоставить им затем полную свободу отъезда». Пароход все-таки набрал 1011 человек, главным образом из нестроевых частей.

Генерал Врангель заявил решительный протест и сообщил болгарскому правительству, что он не берет на себя никакой ответственности за прибывших. Французский посланник в Софии, господин Пико, в свою очередь телеграфировал генералу Пелле, что допущение в Болгарию элементов, за надежность которых Главное командование не может поручиться, было бы крайне нежелательно и могло бы заставить болгар взять обратно с таким трудом полученное согласие. Из Парижа были посланы тоже соответствующие инструкции – и дальнейшего вмешательства в план переселения больше не происходило.

Но весь этот инцидент служит ярким доказательством того недоброжелательства, которым были пропитаны все действия французских представителей в Константинополе. Кроме главной цели – избавиться от беженцев – ими руководила и побочная: добить армию. Может быть, и они руководствовались той мыслью, которую так ярко выразил князь Кастаньето, и боялись укреплять «противобольшевистские интриги», «противные интересам всего цивилизованного мира»?

Вопрос о дальнейшем расселении в Болгарии затруднялся и материальными, и политическими причинами. Подобно тому как Трианонский договор лишил Венгрию свободного решения о принятии наших контингентов, в Болгарии действовал другой – Нейльский договор. И там, и здесь такой шаг не мог быть совершен без контроля и согласия союзников. Уже одно возбуждение вопроса о размещении войск в Венгрии или Болгарии могло неблагоприятно отразиться на ходе переговоров с Сербией; но, с другой стороны, эти же переговоры могли побудить обе группы держав к увеличению приема частей для сохранения известного равновесия.

Для самой Болгарии принятие русских войск могло иметь и некоторые заманчивые стороны. В то время земледельческая партия Стамболийского резко отмежевывалась от коммунистов – и усилить антибольшевистский элемент в стране было выгодно. В некоторых болгарских кругах мелькала даже мысль составить из чинов армии добровольческие кадры – единственный вид военной организации, разрешенный в Болгарии Нейльским договором. Но самая отдаленная возможность такого исхода должна была особенно обострить внимание к этому вопросу со стороны соседей – Югославии, Греции и Румынии, и сами болгары боялись принятием контингентов создать повод для вмешательства во внутренние болгарские дела. Одним словом, завязывался клубок очень сложных и противоречивых интересов, который заставлял быть особенно осторожным в этих переговорах.

К счастью для нас, господин Пико был всецело на стороне армии и не только не мешал, но существенно помогал господину Петряеву в его деятельных переговорах. В середине июля обнаружилось, что в случае обеспечения взносом в 300 000 долларов можно рассчитывать на прием 6–7 тысяч. Благодаря усиленным хлопотам соответствующие ассигнования от Соединения Послов были обеспечены и было приступлено к самому договору. В августе месяце было сделано письменное соглашение между российским посланником господином Петряевым и управляющим Министерством финансов господином Даскаловым и параллельно с этим подписано соглашение между русским военным представителем генералом Вязьмитиновым¹⁴ и начальником штаба болгарской армии полковником Топалджиковым.

Постановлением Совета министров одобрялся прием 6000 русских «бывших солдат, ныне беженцев в Константинополе, при условии внесения по 100 000 долларов за каждую группу в 2000 человек», а в соглашении между генералом Вязьмитиновым и полковником Топалджиковым детализировались условия приема, определялся внутренний распорядок, причем вся группа принятых трактовалась в подчинении Главнокомандующего, ответственного за своих чинов, предоставлялось право дисциплинарного воздействия назначенным Главнокомандующим начальникам, сохранялась военная форма и даже устанавливалось взаимное воинское приветствие между русскими и болгарскими чинами.

Сумма, депонированная в обеспечение приема, должна была покрываться частичными взносами, по израсходовании двух третей внесенного аванса. Надеяться на новый приток средств от Совещания Послов было невозможно. Надлежало принять все меры к увеличению числа принимаемых в славянские страны – и подумать об изыскании новых средств. Для первой цели были употреблены все дипломатические усилия; для второй – Русский Совет поднял вопрос о ликвидации Петроградской ссудной казны.

В то время как почти были закончены работы по расселению армии, судьбе (или людям?) захотелось сделать еще одну попытку разом разрушить все строившееся здание и ударом в голову совершить то, что не удавалось, несмотря на упорные усилия. В 5 часов вечера 15 октября 1921 года пришедший из Батума итальянский пароход «Адрия» протаранил стоящую на рейде Босфора яхту Главнокомандующего «Лукулл». Получив громадную пробоину, яхта продержалась на воде после удара около двух минут – и пошла ко дну.

Подробности катастрофы, как они вырисовываются со слов очевидцев, следующие. Около 4 часов 30 минут дня на яхте обратили внимание на шедший от Леандровой башни большой пароход под итальянским флагом. Повернув от Леандровой башни, он стал брать направление на «Лукулл» и с большой скоростью, необычной для маневрирующих судов, приближался к «Лукуллу». На «Лукулле» возникла даже мысль – не испортилась ли у него рулевая тяга, так как при той скорости и громадной инерции, которую он имел, он едва ли мог свернуть, даже положив руль круто на борт; однако тревожных гудков пароход не давал. Шагов около 300 от яхты отдали якорь – и стало ясно, что удара не миновать. Дежурный офицер, мичман Сапунов¹⁵, крикнул, чтобы давали кранцы, и побежал на бак вызывать команду. На «Адрии» отдали второй якорь, но она продолжала надвигаться, и через 10 секунд раздался оглушительный удар от столкновения. Во все стороны брызнули щепки и обломки от поломанного фальшборта, привального бруса и верхней палубы. «Лукулл» сильно наклонился на правый борт и поддался в сторону движения парохода, удерживаясь кормовым и швартовым якорным канатом на бочках, на которых он стоял. Удар пришелся в левый борт, над помещением Главнокомандующего, и форштевень парохода застрял в борту «Лукулла». Пароход стал отходить задним ходом; в широкую пробоину, пришедшуюся непосредственно в каюту Главнокомандующего, с шумом врывалась вода, и через несколько секунд «Лукулла» не стало.

По счастливой случайности Главнокомандующий за час до столкновения сошел на берег и избежал неминуемой смерти. Но вся эта картина потопления русского судна пароходом, только что прибывшим из Советской России, у всех на глазах, при условиях, как бы исключая несчастные возможности, наводит на мысль о том, каким опасным «случайностям» подвергалось русское дело...

К концу 1921 года нечеловеческие усилия по вывозу войск из Галлиполи и Лемноса были закончены. В грубых цифрах – к июню 1921 году в Галлиполи было 20 000, а на Лемносе – 9000 человек. Лемнос был теперь разгружен. В Галлиполи оставался небольшой отряд около 2000 человек в ожидании посадки. Работа расселения армии была сделана – и Главнокомандующий мог покинуть Константинополь.

По пути в Сербию Главнокомандующий остановился в Галлиполи 26 февраля 1922 года. Обращаясь к выстроенному отряду, генерал Врангель сказал: «Год тому назад я обещал вам, что не уеду из Константинополя до тех пор, пока последний солдат не будет отправлен отсюда. Теперь я могу выполнить свое обещание. Родные славянские страны широко открыли двери своих государств и приютили у себя нашу армию до тех пор, пока она снова сможет возобновить борьбу с врагом Отчизны. Сербь только что сообщили мне, что они согласны принять оставшиеся в Галлиполи части и перевести их в конце марта на присоединение к родным частям. Со спокойной душой я отправляюсь далее. Целый год я пробыл узником в Константинополе и всегда смело и громко поднимал свой голос в защиту правды, потому что я знал, что

за мной стоит 20 000 людей, готовых в любой момент поддержать меня. Спасибо вам за вашу службу, преданность, твердость, непоколебимость. Спасибо вам – и низкий поклон».

«Последние галлиполийцы» – в числе около 2000 человек оставшиеся в ожидании посадки – пробыли после отъезда Главнокомандующего полтора года на пустынном полуострове.

Для того чтобы понять весь трагизм последнего оставшегося отряда, надо принять во внимание ту уверенность и твердость, которые чувствовали галлиполийцы от одного сознания, что в их среде находится генерал Кутепов. Генерал Кутепов в сознании 1-го армейского корпуса был живым воплощением Главнокомандующего, принужденного жить где-то далеко, в Константинополе. Даже кратковременные отлучки генерала Кутепова по делам службы создавали некоторое уныние и внутреннюю растерянность. С его приездом вновь приливали бодрость и удесятерялись силы к сопротивлению.

В декабре 1921 года большая часть корпуса уехала в Болгарию. С ним вместе убыл и генерал Кутепов. Вместе с восторженно провожавшим его населением хмуро стоял на берегу небольшой отряд, которому не хватало места, который оставался сейчас как бы предоставленным самому себе. Чувство остающихся было не только тоскливое, но жуткое...

Верный своему слову, генерал Врангель покинул Константинополь только тогда, когда из Сербии получилось принципиальное согласие на принятие «последних галлиполийцев». Но между принципиальным согласием и фактическим осуществлением оказалась громадная разница. Английское правительство, давно уже желавшее освободиться от «гостей английского короля», вело переговоры с Королевством С.Х.С. о вывозе последних русских беженцев из Египта и с острова Крит. Перспектива принятия новой партии в 2000 человек создавала непредвиденную конкуренцию – и вопрос о приеме галлиполийцев, как бывает в таких случаях, стал тормозиться.

Главнокомандующий уже прибыл в Сербию. Прошел обещанный март, наступил апрель, а «арьергард Русской Армии» терпеливо ждал своей очереди. В конце апреля заместитель премьер-министра Королевства известил официально, что «правительство затрудняется дать разрешение на немедленный прием контингентов, ввиду того что оно лишь недавно отказало в приеме русских беженцев с Египта и Крита».

Галлиполийский отряд под командой генерал-майора Мартынова¹⁶ сжался теперь весь в нескольких городских помещениях. Оставленный, по первоначальным предположениям, на 2–3 недели, генерал Мартынов должен был наскоро сколачивать управление отрядом из разрозненных остатков различных частей: здесь были и технические части, и кавалеристы, и казаки. Однако старые галлиполийские традиции подчеркивались с исключительной любовью.

С того момента, когда уехал генерал Кутепов и главные части корпуса, из экономических и политических соображений к распылению оставались только первые и почти сошли на нет вторые. Все это позволяло местной французской власти принять более достойный тон – и почти все донесения генерала Мартынова характеризуют эти отношения как «превосходные». Мало-помалу между русскими и французами установились взаимоотношения двух расквартированных гарнизонов.

Подходила Пасха. Подполковник Томассен по собственному почину возбудил ходатайство о выдаче на первый день Пасхи, 16 апреля, удвоенной порции продуктов. Результат, однако, получился неожиданный. Генерал Шарпи прислал из Константинополя срочное приказание – прекратить совсем выдачу продуктов, отпустив их в последний раз в Страстную субботу, 15 апреля. Генерал Мартынов созвал начальников частей – и решил в пешем порядке направиться через Фракию в Болгарию на соединение с нашими частями. По расчетам, отряд мог бы быть обеспечен на 10–12 дней. Тогда французами была принята политика частичных сокращений. До 18 апреля (третий день Пасхи) паек был оставлен полностью. С 18 апреля

выдача уменьшалась на 25 процентов; с 25 апреля – на 30 процентов и с 7 мая прекратилась совершенно. Французский бюджет был освобожден от непосильного расхода.

Для спасения людей потребовались экстренные расходы Главного командования. «Львиная доля расходов», как писал генерал Чертков, шла теперь на подкрепление отряда, который не выпускали с полуострова и который не хотели кормить. Заработка не было: полевые работы не начинались. При отсутствии торговли, промышленности людям действительно грозила голодная смерть.

В начале июля был объявлен приказ Главнокомандующего. «После полуторагодовой борьбы мне удалось устроить Армию в славянских странах. Войска были перевезены. Вы ждали очереди. Спокойный за вас, я оставил Царьград, – говорилось в приказе. – Ныне сербское правительство отказывается вас принять... Теперь прошу Лигу Наций найти вам работу. Дотоле из скудной казны будут помогать вам. И вы помогите мне. Кто может найти себе заработок – тот облегчит помощь другим. Держите связь со своими частями. Временно оставляя ряды Армии, вы останетесь членами ее...» Переговоры с Лигой Наций в лице господина Нансена не привели ни к каким результатам. Как предварительное условие помощи, господин Нансен потребовал получения от генерала Врангеля заверения, что с момента поступления галлиполийцев на иждивение Лиги Наций он отказывается от осуществления в отношении их своих прав как Главнокомандующего. Хотя генерал Врангель и выразил готовность «decliner toute intervention personnelle» («отказаться от всякого личного вмешательства») в смысле вторжения в вопрос их устройства, тем не менее это было признано недостаточным. Было вновь потребовано от генерала Врангеля отказаться от своих прав именно как Главнокомандующего, что было генералом Врангелем отклонено. Для совершения гуманитарного акта д-р Нансен, известный друг большевиков, потребовал политического акта.

Можно себе представить, какое впечатление произвел этот приказ на терпеливо переносивший страдания последний галлиполийский отряд. Но и это испытание было выдержано. Часть семей и неработоспособных выехали в Константинополь на попечение «Ара». Подоспело разрешение Венгрии принять около 300 человек – и часть технического полка выехала в Будапешт. Оставшийся отряд продолжал сохранять свою военную спайку и стал готовиться к новой трудовой жизни: с 1 августа должна была почти прекратиться и помощь Главного командования.

В сентябре месяце была получена телеграмма о возможной отправке всех остающихся чинов отряда. Приступлено было к оповещению всех работающих на полуострове, начали упаковывать вещи. Интересно отметить в донесениях генерала Мартынова трогательный эпизод. Генерал Мартынов пишет: «Приступлено к ремонту памятника на городском братском кладбище. Мною приказано завтра всем чинам отряда принести к памятнику по несколько мелких камней, необходимых для бутовки цокольной площадки. Если отправка отряда состоится раньше окончания ремонта памятника, то в Галлиполи будет оставлен производитель работ с несколькими рабочими».

Случайные обстоятельства задержали отправку отряда. Греческие войска были разбиты Кемалем. По Дарданелльскому проливу крейсировал военный английский флот. В Галлиполи стали долетать слухи о катастрофе. Греческое население укладывало свои пожитки – и наиболее состоятельные уезжали. Почувствовалась близость военных операций. Надо было возобновить прерванные работы, ибо все время пребывать в напряженном бездействии ожидания было невозможно. Главная часть работающих направилась в Килию и Майдос. Следует отметить, что заведующий работами в Килии английский полковник Уэльс сообщил, что из Константинополя ожидается партия русских рабочих, с которыми он предлагает слиться в одну артель и заключить контракт. Условия были очень выгодны. Генерал Мартынов, однако, сообщил полковнику Уэльсу, что «чины отряда ни в коем случае не могут войти в состав рабочего батальона, составленного из случайных людей с импровизированным управлением».

Галлиполийцам оставили их воинскую организацию, и была гарантирована полная изолировка от константинопольских беженцев. Разница в дисциплине и работоспособности тех и других стала вскоре для англичан очевидной.

Жизнь кое-как налаживалась, хотя постоянное ожидание отъезда, усиливаемое фиксированием сроков погрузки и внезапной ее отменой, держало всех в напряженно-нервном состоянии. Политические события усиливали эту нервность. Победоносный Кемаль гнал греков – и на галлиполийском берегу водрузился турецкий флаг. Пришлось иметь дело с совершенно неизвестной властью.

Прошла зима. Наступила весна 1923 года. Подошла, наконец, давножданная – и на этот раз оправдавшаяся – весть о вывозе. 5 мая последние остатки галлиполийского отряда с генералом Мартыновым погрузились для отправления в Сербию. Русский флаг, поднятый генералом Кутеповым и развевавшийся в Галлиполи в течение двух с половиной лет, был спущен при воинских почестях – и последние галлиполийцы тронулись в путь.

По дороге пристали к Килии и забрали людей. Генерал Мартынов благодарил английского коменданта, полковника Эллиота, за его теплое отношение к русским. Полковник Эллиот ответил: «Я преклоняюсь перед твердостью русских людей, которые и в тягчайших условиях чернорабочего не только не теряли своего облика, но подчеркнули свой великий патриотизм и сохранили свое военное чисто русское благородство и гордость. Мы учимся у вас героическому величию духа и ставим вас в пример своим офицерам».

Так уехали «последние галлиполийцы». С их отъездом «район Константинополя» был совершенно очищен от русских частей. «Русские в лагерях» не смущали больше верховных комиссаров. Другие страны ожидали их. Другие испытания стояли перед ними. Но пошли они в новые страны, навстречу новым испытаниям, не изменив своим знаменам в угоду кому бы то ни было. На берегах Босфора они пережили натиск жестокой бури. Одна на другую вздымались волны – и шел на них всепожирающий «девятый вал». «Девятый вал» поднявшейся бури был побежден. Много раз после этого враждебная стихия пробовала захлестнуть остатки Русской Армии. Но армия уже окрепла в этой борьбе и могла спокойно идти в неизвестную даль, не боясь потерять своего вновь обретенного лица...

В славянских странах

С переброской главных частей армии из Галлиполи и Лемноса кончался тот первый период жизни ее в изгнании, который можно охарактеризовать как стремление усилить воинскую спайку, расшатанную неудачами и эвакуацией, создать могучее ядро, связанное дисциплиной, заложить те начала, которые сохранились бы при возможном физическом распылении ее по лицу земли. Перспектива эта учитывалась с самого начала; и уже через шесть месяцев изгнания, когда переговоры о расселении по Балканским странам дали реальные результаты, вопрос этот был поставлен совершенно открыто.

В предписании Главнокомандующего командирам корпусов 10 мая 1921 года говорится: «По переброске армии в Сербию и Болгарию части армии, перевозимые в первую голову (казаки), будут устроены на различного рода работы (постройка шоссе, железнодорожные и пр. и служба), остальные же (1-й армейский корпус), за отсутствием пока аналогичных предложений, сохраняют порядок жизни войсковых организаций и будут расположены казарменно (лагерем). Однако ограниченность денежных средств у нас, отсутствие таковых у сербского правительства вынуждают нас принять меры к тому, чтобы обеспечить оплачиваемыми работами большую часть армии. Таким образом, армия постепенно перейдет к новым формам и условиям жизни, коренным образом разнящимся с формами ее внешнего существования; армия будет существовать в полускрытом виде, но армия должна быть сохранена во что бы то ни стало».

Вследствие этого предписывалось подготовить части к новому взгляду. «Существенно важно, – говорилось в этом предписании, – чтобы все сознательно встретили формы переходного состояния армии и усвоили себе необходимость и возможность в этих условиях сохранить в полной мере твердость дисциплины, многолетнюю боевую спайку и преданность идее служения Родине, как армия сохранила это здесь в течение шести месяцев со дня эвакуации Крыма».

Армия вступала теперь во второй период – период подготовки к новой трудовой жизни, период, может быть, наиболее трудный, ибо приходилось приводить в согласование два противоположных начала: воинской дисциплины и свободного труда.

К началу января 1922 года наши части не только были перевезены в Сербию, но уже до некоторой степени осели. В общих чертах – Кавалерийская дивизия получила назначение в пограничную стражу, причем старшие начальники являлись инспекторами отделов («отсеков»); Кубанская казачья дивизия получала в районе Вранье большую работу по сооружению шоссейного пути к границе Болгарии; технический полк, выделенный из 1-го армейского корпуса, получил работы по сооружению железных дорог; часть офицеров различных частей поступила на службу в сербскую жандармерию.

Кроме этого, в Белой Церкви расположилось Николаевское кавалерийское училище, и на средства Державной комиссии продолжали существовать уже ранее открытые три кадетских корпуса: Крымский, Донской и так называемый Русский кадетский корпус.

Тяжела была жизнь русских частей в этих «новых условиях жизни». Грандиозная дорога, сооруженная казаками в окрестностях Вранье, закончена только недавно – и я имел возможность лично видеть и оценить этот «Русский Путь», как называют ее сербы. В совершенно дикой местности, среди громадных гор в несколько тысяч метров, вьется капризной лентой этот путь, и порою кажется, что только старые римские дороги могут соперничать с этим творением русских изгнанников. По пути, в землянках и сколоченных наскоро бараках, на такой высоте, когда облака ходят внизу, жили русские воины. Зимой на этих высотах заносило снегом на несколько недель – живущие там бывали отрезаны не только от мира, но и от своих же соседних постов.

В таких суровых условиях существовала и пограничная стража, особенно в диких албанских горах. На постах, куда часто доставлялась почта и провиант раз в месяц, в землянках, сооруженных собственными руками, в постоянном напряжении и ежедневных перестрелках с албанскими разбойниками жили наши пограничники. Жалованье было самое скромное: «контрактуральный чиновник» получал 1000 динар, «наредник» – 450 динар, «капрал» – 365 динар и рядовые – 350 динар. Неудивительно, что в одном из первых же донесений начальника штаба Кавалерийской дивизии генерал-майора Крейтера, от 30 апреля 1922 года, указывается, что «в связи со все возрастающей дороговизной, с одной стороны, а с другой – вследствие совершенно недостаточно получаемого содержания, положение с довольствием катастрофическое. Если раньше получаемого содержания хватало одиноким, то теперь и этого сказать нельзя. Уже офицер и солдат не могут позволить себе мясной пищи хотя бы 2–3 раза в неделю. Питаются исключительно картофельной похлебкой, фасолью и чаем».

Эта тяжелая служба не была замаскированной благотворительной помощью «русским братьям». Контрабанды было задержано на 3 НО 931 динар; кроме того, значительное количество валюты и целые партии коммунистической литературы. По окончании годичного срока службы командир пограничной стражи, полковник Ристич, лично выразил генералу Врангелю свое полное удовлетворение, и пять старших русских начальников были награждены орденами Святого Саввы и восемь – медалями «За усердие».

За время службы русских в пограничной страже учитывалось значение нашей военной организации: русские старшие офицеры – «контрактуральные чиновники» – везде занимали должности «водников»; громадное число командиров страж были русские офицеры; канцелярии «чет», хозяйственная часть и вся переписка, за самым малым исключением, велась рус-

скими. Командир пограничной стражи, полковник Ристич, считал, что сами интересы службы диктуют сохранение нашей спайки и воинских отношений между русскими, что возможно при влиянии старших на младших. Им была издана специальная инструкция о службе русских, о их взаимоотношениях, о размере и характере сохраненной русской организации.

Но неожиданно и здесь наши части постигло жестокое испытание. В апреле 1922 года Скупщина приняла законопроект о ликвидации пограничной стражи и о замене ее «финансовым контролем», с подчинением Министерству финансов на основаниях гражданских чиновников. С окончанием контракта, 1 сентября 1922 года, можно было ожидать постепенного снятия наших чинов и замены их новыми лицами: повышение оклада увеличивало интерес к этой службе у коренного населения, не имевшего ранее выгоды идти на нее. Министерство финансов сообщило, что на службу в финансовом контроле могут рассчитывать только отдельные лица; в составе же пограничной стражи было свыше 4500 наших офицеров и солдат. В самое трудное время года, к началу зимы, громадная часть пограничников могла остаться без службы, пропитания и крова.

К октябрю месяцу 1922 года Министерство финансов согласилось принять 1700 человек. Остальные должны были как-нибудь быть обеспечены различными работами. В мае 1923 года правительству С.Х.С. понадобилось для восстановленной пограничной стражи 1000 человек, которые были даны немедленно. Однако прежнее отношение доверия, которое клал в основание наших взаимоотношений полковник Ристич, было теперь заменено новыми инструкциями и директивами его заместителя, полковника Еремича. Все служащие трактовались как «отдельные лица». Старшие офицеры были лишены возможности поддерживать связь со своими младшими офицерами и солдатами. Из 1000 принятых за один месяц было уволено 210 человек, в то время как в первый период из 4500 в течение 15 месяцев было уволено всего 15. Увольнение грозило каждому за малейшую провинность и даже без всякой провинности, без объяснения причин.

Главное командование должно было постоянно иметь в виду резерв таких групповых работ, куда можно было бы направить внезапно потерявшего службу; главным таким местом были работы по постройке шоссе в районе Краљево. Осуществление громадного казенного подряда по переустройству шоссе Краљево – Рашка было принято техническими силами русских инженеров, объединившихся около товарищества «Техника», с участием средств Главного командования в сумме свыше 5 миллионов динар. Это был обширный резервуар для групповых работ – и его создание относится к началу 1923 года и вызвано было, главным образом, заботами об устройстве на работы около 200 человек, которых в связи с гонениями, воздвигнутыми на Русскую Армию во время дружбы Стамбулийского с московскими коммунистами, предполагалось перебросить из Болгарии в Сербию.

На пути к осуществлению этого проекта стали затруднения с получением необходимых виз; затем в Болгарии произошли изменения в благоприятную для наших контингентов сторону. Предполагавшаяся переброска 2000 человек не состоялась. Однако работы по переустройству шоссе Краљево – Рашка с участием средств Главного командования были организованы и служили местом, куда стекались не имевшие заработка части, расположенные в Сербии. Здесь в разное время и на разные сроки нашли себе применение: некоторые части Кавалерийской дивизии; последние галлиполийцы; корнеты, выпущенные из Николаевского кавалерийского училища; неожиданно среди зимы 1923/24 года выброшенные из финансовой стражи чины Кавалерийской дивизии; искавшие летних заработков кадеты старших классов Крымского кадетского корпуса и много отдельных чинов многострадальной армии. Число чинов армии, занятых в предприятии, постепенно увеличивалось с 1 марта 1923 года, к которому относится начало нашего участия в работах, и достигло своего максимума (около 600 человек) к декабрю 1923 года.

Продержавшись на этом уровне до мая 1924 года, оно опустилось к августу 1924 года до 400 человек; затем, когда в связи с задержками в получении предприятием денег за выполненные работы выяснилась невозможность для Главного командования финансировать предприятие и встал вопрос о выходе из него, воинские части, работавшие в деле, были частью переведены на другие работы в Сербии, частью переброшены во Францию, и в конце 1924 года, когда Главное командование вышло из дела, на работах в предприятии оставалось лишь небольшое число чинов армии.

Стоявшие на работах части за все время работ получили в виде заработков около 5 миллионов динар, причем заработная плата чинами контингентов исчислялась в одинаковом размере со средним заработком местных рабочих соответствующих категорий; независимо, однако, от этой платы, на поддержание воинской организации работающих в предприятии частей начислялось из средств предприятия 6 процентов на общую сумму заработной платы русских рабочих. Таким образом, в Кральеве осуществлялась и материальная помощь людям, и сохранение в возможной неприкосновенности воинских кадров.

Необходимо отметить, что затруднения, встречаемые к размещению наших войск в пределах Королевства, были не только материального характера, но в известной мере и политического; и эти политические причины были не только внешней природы, но зависели и от чисто внутренних условий.

Вскоре после прибытия генерала Врангеля в Сербию и торжественной встречи его русским населением член Народной Скупщины Милош Московлевич внес правительству интерpellацию по поводу Русской Армии и генерала Врангеля. «Интересно, – говорилось в интерpellации, – что его армию расформировали на Галлиполи сами французы за свой счет и официально она более не существует, однако она со всем своим аппаратом возродилась у нас, получая активную и моральную поддержку нашего правительства. Хотя бывшие ее члены прибыли в Югославию «как беженцы», тем не менее каждая беженская колония имеет своего военного коменданта, выполняющего приказы врангелевского военного представителя генерала Потоцкого и его уполномоченного». «Мы не знаем, – говорилось дальше, – не находится ли Королевство С.Х.С. в войне с Россией, ибо не можем понять возможности согласования с суверенитетом державы и международными обычаями создание государства в государстве и гостеприимство, оказываемое иностранной военной организацией, замышляющей военные походы из нашей державы против другой».

Интерpellант принадлежал не к коммунистической, но к «земледельческой» партии и теоретически считал себя, как демократ, врагом коммунистического строя. Эсеровская «Воля России» приветствовала этот запрос целой статьей. «Земледельческая партия, – писала газета, – бесконечно далека от какого бы то ни было сочувствия большевизму. Она так далека от него, что самые личности Троцкого и Врангеля для нее равнозначущи: и в том и в другом она видит врагов России – ее разрушителей. Запрос этой партии является запросом подлинной югославянской демократии» («Окончательное разоблачение Врангелевщины». «Воля России» 22 марта 1922 года, № 922).

Интерpellация Московлевича заканчивалась вопросом: «Что думает предпринять правительство, чтобы прекратить отравление нашего общества со стороны этих последних остатков мрачного периода русской истории как раз в то время, когда большевики переживают последние дни и рождается новая демократическая Россия?»

Правительство государства, спасенного этим «мрачным периодом русской истории», не дало Московлевичу удовлетворяющего его ответа. В пределах возможного оно продолжало и продолжает оказывать «последним остаткам» свою братскую помощь. Но самая возможность такого запроса заставляла его проявлять эту помощь в чрезвычайно осторожной форме.

«Рождение демократической России», которого ждали от Генуэзской конференции, затянулось. Путь «демократизации» советской власти через приобщение ее к лоно европейских

держав доставил с тех пор много и много разочарований. Каждое новое признание Советской России совершается теперь как-то буднично с обеих сторон и не вызывает преувеличенных надежд. Но в то время такой «пересмотр» старых отношений казался новым и что-то сулящим. Всем невидимо дирижировал всемогущий и еще не развенчанный Ллойд Джордж, сторонник такого взгляда. Надо было иметь или слишком резко противоположные интересы, как в Румынии, или слишком глубокие корни в народном чувстве, как в Югославии, чтобы удержаться на своем пути и не соблазниться демократическими напевами.

Запрос Московлевича остался в Югославии без последствий. Но этот же запрос получил неожиданный отзвук в событиях в соседней стране – Болгарии и вызвал там целый ряд тяжелых и почти катастрофических потрясений. Вспоминая о них, мы можем смело сказать, что организация, пережившая их и не развалившаяся, уже этим одним доказала свое несомненное право на существование.

В самом конце 1921 года закончилась переброска наших частей в пределы Болгарии. Штаб 1-го корпуса, с генералом Кутеповым во главе, расположился в древней столице Болгарии – Великом Тырнове. Штаб Донского корпуса поместился в Старой Загоре, где имел местопребывание генерал Абрамов. В Софии были объединяющие центральные учреждения – военный представитель, управление снабжения и отделение штаба Главного командования по Болгарии. Все части обоих корпусов, военные училища, лазареты были разбросаны по всей стране.

Встреча наших частей была восторженная. На банкете, устроенном в Софии в зале болгарского Офицерского собрания в честь генералов Кутепова и Абрамова, собрались высшие представители Болгарской армии и общественности. В многочисленных речах выражалась радость по поводу того, что Болгария сподобилась великой чести – принять потомков героев Шипки и Плевны, и выражалась надежда, что воскреснет Россия и, «как могучий дуб, покроет своим зеленым шатром свою младшую сестру». Начальник штаба Болгарской армии, полковник Топалджиков, сказал в своей приветственной речи, обращаясь к русским генералам: «Мы с вами по-братски, рука об руку, будем идти вперед». Командиры корпусов разъехались по домам – и началась будничная обыкновенная жизнь.

Радостное начало стало быстро обволакиваться тучами. Уже 17 февраля 1922 года начальник Софийского гарнизона полковник Личев отдал приказание, чтобы русские офицеры, находящиеся в Болгарии, ходили без оружия. Оружие и пулеметы частей предлагалось передать на хранение в болгарские склады. Предложение это мотивировалось стремлением «избежать каких-либо оснований для вмешательства со стороны находящихся здесь военных представителей Антанты». Вопрос этот был временно урегулирован сдачей некоторой части имевшегося оружия; однако причины этого распоряжения вовсе не основывались на требованиях Антанты, а лежали значительно глубже.

Готовилась Генуэзская конференция, та самая конференция, от которой ждали всеобщего признания советской власти. Представители Советской России впервые выходили из своего зачумленного района на открытый путь европейских дипломатических сношений; в этом одном уже была такая победа, которая не могла не импонировать. «Завтра» могло перевернуть все отношения, сложившиеся «сегодня». Надо было подготовить все возможности – и в первую очередь правящая партия должна была пересмотреть свое отношение к коммунистам.

Отношения эти были достаточно попорчены. В конце 1919 года и в начале 1920 года болгарские коммунисты объявили всеобщую забастовку и хотели взять в свои руки власть, чтобы объявить в Болгарии советскую республику. Земледельческая партия Стамболийского вместе с народной партией Гешева и прогрессивной партией Данева составили коалиционное правительство и подавили восстание мобилизацией земледельцев, явившихся по вызову Центрального комитета Земледельческой крестьянской партии.

Эта сравнительно легкая победа дала основание Земледельческой партии составить очень преувеличенное мнение о своей силе, что как раз совпадало с тем общественным пред-

рассудком, который не изжит до сих пор и который состоит в убеждении, что для «демократической» партии и «демократического» режима не страшен коммунизм. В письме от 22 марта 1922 года 1-й секретарь болгарского посольства в Белграде господин Людсканов-Цанков, обрисовывая генералу Врангелю внутреннее положение страны, повторяет это модное и ходячее мнение. «Коммунисты в стране немногочисленны, – пишет он, – хотя хорошо организованы и располагают при посредстве Москвы материальными средствами. При трезвом характере болгар идеи коммунизма не могут найти применения. Для нынешнего земледельческого правительства в Болгарии коммунисты совершенно не опасны».

Такое преувеличенное мнение о безопасности коммунистического яда привело к мысли о возможности безопасного использования их для своих внутренних и внешних целей. На внутреннем фронте коммунистыгодились для борьбы с общим врагом – «буржуазным блоком» (коалиция была нарушена, и кабинет стал однородным), который после своего разгрома начал организовываться и становился уже опасным правительству. На внешнем фронте блок с коммунистами мог дать неисчислимые выгоды в случае вступления советской власти в концерт великих держав. Возникла та пагубная склонность к игре с огнем, которая проводилась и проводится до сих пор целым рядом демократических правительств.

Но то что до поры до времени сходило и сходит в демократических государствах с вековой историей, было совершенно неприложимо к Болгарии. Чистые идеологи демократического флирта с большевиками не учли существенного обстоятельства: полной подкупности и продажности тогдашнего болгарского правительства.

После падения кабинета Стамболийского о корыстных действиях убитого премьер-министра было широко опубликовано новым правительством; к сожалению, я не имею под рукой этих документов. В дознании же, произведенном по поручению нового министра внутренних дел специальной комиссией «О злоупотреблениях и преступлениях земледельческого правительства в отношении контингентов Русской Армии в 1922 году», под председательством господина Добриновича, установлено, что «русское советское правительство... (перечисляются подкупившие лица) подкупило: Райко Даскалова (министра внутренних дел), Георгия Косовского (главного секретаря Министерства внутренних дел), Димитрия Мустанова (начальника жандармерии и общественной безопасности) и Станчо Трифонова (помощника софийского градоначальника), с тем чтобы они совершали в Болгарском Царстве противозаконные деяния, с корыстной целью, в пользу русского советского правительства, т. е. совершили преступления, наказуемые по ст. 146, 428, 431 Закона о наказаниях».

Председатель Совета министров господин Стамболийский уехал в Геную и имел тесное общение с приехавшим из Москвы Чичериным. Флирт с большевиками переходил скорым темпом в блок, а блок – в прямое подчинение; у всех на глазах совершалась «советизация» Болгарии, причем совершалась она без переворота и восстания, а мирной сдачей позиций, и не при помощи штыков и пулеметов, а при помощи одного московского золота.

«Границы Болгарии, – пишет господин Добринович в своем обвинительном акте, – открываются для большевистских агентов, которые прибывают с целями шпионажа, пропаганды, разрушения и провокации. Первым прибывает генерал Комиссаров – всем известный мошенник-провокактор... немедленно после него прибывает моряк Сергей Чайкин. Оба образуют шпионскую, конспиративную и провокаторскую группу, становясь открытыми советниками Даскалова. Комиссаров делается одновременно интимным другом начальника жандармерии, полковника Мустанова; каждый день оба совещаются в канцелярии начальника жандармерии. Чайкин становится интимным другом помощника софийского градоначальника Станчо Трифонова, постоянно сидит в градоначальстве, как свой человек». К этой группе «присоединяются еще: Иван Дмитриевич Анисимов (полковник и член большевистского военного совета в Москве), начальник сети шпионажа на Балканах, Борис Николаевич Краснославский (Шапошников), Роберт Петрович Озо́ль (Озо́ль, Комиссаров, Чайкин и дю Шайля)¹⁷

образовали русскую большевистскую чрезвычайку, по приговору которой был убит Агеев – за измену большевикам и – как опасный противник – генерал Покровский¹⁸), по прозвищу Барон, подписывающийся Ловягиным (убийца незабвенного болгарского генерала Радко Дмитриева¹⁹), Семен Фирин (Гольдштейн), родственник Троцкого, Александр Грузенберг, Булацель, юнкер Володя – художник-каллиграф, гардемарин Шурка, Филька, Юрий Грузин и Герман – все русские большевики». К этой почтенной группе присоединился «болгарский коммунист Александр Димитров, присланный из управления болгарских коммунистов» и «русский большевик, французской народности, граф дю Шайля». Имеются доказательства, что с графом дю Шайля неоднократно совещался сам министр-председатель Стамболийский.

При таких условиях вовсе не требовалось вмешательства Антанты для ущемления Русской Армии. Все совершалось по указке интернациональной Москвы руками того правительства, которое объявляло себя «крестьянским» и «национальным».

Каждый день, начиная с марта 1922 года, приносил все новые и новые требования – о снятии вывесок с казарм русских частей, о сдаче оружия и пр., и каждый раз эти требования повторялись все в более и более оскорбительном тоне. В постановлениях «Верховного Административного Совета» 23 марта 1922 года, наряду с подобными требованиями, прозвучала еще одна характерная нота: в пункте 4 постановлено, что «правительство неотложно должно приложить усилия к тому, чтобы воинским частям можно было поскорее возвратиться на свои родные места, для чего войти в сношения с правительством Советской России, чтобы от него им не было никаких утеснений». Положение русских частей становилось нестерпимым.

Я не знаю другого народа, более склонного к страстным дебатам на политические темы и более впечатлительного к кричащим лозунгам партийной прессы и партийных плакатов, чем болгарский. Вся Болгария заговорила о «возмутительных случаях непристойного поведения частей Врангелевской армии, расквартированных в стране, каковые случаи вызывают возмущение в среде населения и в общественном мнении» – так начиналось сообщение о заседании Административного Совета. Действуя на известный болгарский патриотизм, то пробовали представить русские части как согладатаев Антанты, то стремились внушить убеждение, что настоящая Россия и настоящие потомки плевненских героев – это РСФСР и Красная армия. Под влиянием коммунистической агитации и образовавшегося из подонков эмиграции «Союза возвращения на родину» был запрещен приезд генерала Врангеля в Болгарию и создавалась обстановка, напоминающая пребывание во враждебной стране.

Для 1-го армейского корпуса положение было особенно нестерпимо. Генерал Кутепов и все Галлиполи воспитали особо обостренное чувство воинской чести и особое отвращение ко всяким компромиссам. Весь корпус готов был силой отстаивать права, предоставленные ему договором с болгарам. Генерал Кутепов делал болгарам небольшие уступки, не задевающие принципиальных вопросов. Штабом Главнокомандующего было указано идти в этих уступках возможно далее; но если требования болгар будут неприемлемы – внезапно, по выработанному плану, сниматься с мест и идти через границу Сербии на соединение с русскими частями, в расчете, что безвыходность положения откроет нашим частям сербскую границу. При всем этом русским частям вменялось соблюдать строжайший нейтралитет во внутренней борьбе болгарских политических партий.

Оценивая обстановку, начальник штаба Главнокомандующего генерал Шатилов писал генералу Врангелю 25 апреля 1922 года: «Положение Русской Армии в Болгарии, в случае вооруженного выступления земледельцев, будет чрезвычайно затруднительным. В этом случае нам необходимо соблюдать полнейший нейтралитет, дабы не вызвать к себе нового взрыва вражды со стороны болгарского народа и иностранных держав; этого же требует наш долг в отношении гостеприимно принявшей нас страны. При этом положение наше будет значительно облегчено, если болгарская армия в этом вооруженном выступлении окажется на стороне нового правительства, а следовательно, и на стороне Короны. Если же она расколется

и в большей своей части окажется на стороне земледельцев, то обстановка для нас сложится значительно тяжелее, но и в этом случае я не вижу оснований отказаться от нашего нейтралитета, так как конец борьбы будет знаменовать возвращение к существующему ныне политическому положению. Только в одном случае обстановка может заставить нас выйти из положения нейтральных зрителей, именно если это выступление будет организовано земледельцами совместно с коммунистами, так как успех в борьбе, одержанный левыми партиями при этой группировке сил, имел бы первым последствием расправу с нами». В соответствии с этим и были отданы директивы Главнокомандующим.

События развивались быстро – и 4 мая был арестован в Софии полковник Самохвалов, работавший с ведома болгарского правительства по организации охраны генерала Врангеля на случай его приезда в Болгарию (как известно, коммунисты заявили открыто, что они «не ручаются за его безопасность»). При обыске были подкинута подложные документы, якобы исходящие от Главнокомандующего и изобличающие его в подготовке государственного переворота в пользу буржуазных партий.

В том же обвинительном акте господина Добриновича описывается обстановка обыска у полковника Самохвалова следующим образом: «Чтобы плохо настроить болгарское общественное мнение против врангелевских войсковых частей в Болгарии и вообще против русских беженцев, пользуются самыми низкими гнусными мошенническими средствами. Комиссаров, Чайкин и Трифонов пишут несколько подложных писем, будто бы исходящих от полковника Самохвалова генералу Врангелю и его штабу в Сербии, с доносами, неприятным для Болгарии содержанием, особенно для дружбашского правительства, и один приказ, будто бы исходящий от генерала Врангеля как Главнокомандующего, будто бы отданный им в городе Дубровнике, в котором он отдал распоряжение, чтобы с помощью его войсковых частей, расположенных в Болгарии, и одной его армии из Сербии, а другой из Галлиполи, оккупировать и захватить Болгарию и установить свое русское управление. Отмычкой открываются двери в комнате Самохвалова в отеле «Континенталь»; когда его не было там, эти подложные документы кладутся между его бумагами, комната опять запирается. Немного спустя Трифонов, как помощник градоначальника, который принял участие во всех этих деяниях, поощряемый своим министром Даскаловым, идет со своими агентами и берет эти подложные документы».

Апокрифический приказ этот был датирован 9 апреля 1922 года, издан в городе Дубровнике и якобы скреплен начальником штаба генералом Шатиловым. В письме от 8 мая 1922 года на имя полковника Топалджикова генерал Шатилов, доказывая его подложность, писал: «Ни генерал Врангель, ни я никогда в Дубровнике не были, что может быть Вами во всякое время проверено через Вашу дипломатическую миссию в Белграде. Кроме того, до 10 апреля я был в Софии, что также легко проверить по книгам «Сплэндид-отеля», где я в то время квартировал». Однако даже такие неопровержимые данные не остановили последствий гнусной провокации.

Днем 11 мая, в отсутствие генерала Кутепова, болгары произвели обыск у него на квартире и избили дежурного офицера. Возбужденные русские части, стоявшие в Тырнове, выступили с винтовками и пулеметом для охраны дачи командира корпуса. Прибывший вместе с начальником болгарского гарнизона генерал Кутепов остановил готовое произойти столкновение. Оружие пришлось отдать болгарам.

Вечером 12 мая полковник Топалджиков пригласил генерала Кутепова по телефону прийти в Софию, дав честное слово офицера, что ему гарантировано возвращение назад, в Тырново, к своим частям. Генерал Кутепов поверил офицерскому слову – и был 13 мая арестован в Софии и вместе с генералом Шатиловым и генералом Вязьмитиновым выслан из пределов Болгарии.

Положение русских войск, морально потрясенных арестом командира корпуса, было трагическое. Началась в полном смысле слова травля. В Тырново прибыл командующий корпусом

генерал-лейтенант Витковский. Центр в Софии был разрушен, связи с Главнокомандующим и с Сербией не было никакой. Из газет узнали о телеграмме Главнокомандующего председателю Совета министров Стамболийскому. Указав на измену болгарского правительства России, спасшей народ от турецкого ига, измену, выразившуюся в участии в войне на стороне ее противников, генерал Врангель телеграфировал: «Радужно встреченные населением русские люди воочию убедились, сколь чужд был болгарский народ предательству правительства страны. Теперь болгарское правительство вторично толкает народ в объятия смертельных врагов национальной России». Указав далее, что «болгарское правительство в сознании своего бессилия ищет опоры у тиранов России», он заканчивал телеграмму следующими словами: «В жертву им оно готово принести Русскую Армию. Преследуемые клеветой и злобой, русские воины могут быть вынуждены сомкнуть ряды вокруг своих знамен. Встанет вновь жуткий призрак братоубийства – Бог свидетель, что не мы вызвали его».

Телеграмма генерала Врангеля в точности оправдалась: братская кровь пролилась ровно через год, и русским воинам пришлось «сомкнуть свои ряды». Но тогда телеграмма эта, конечно, не могла быть признана сигналом к немедленному выступлению. Оставалась в силе директива, что выступление возможно только тогда, когда будет совместное действие земледельцев и коммунистов; теперь этого не было – и коммунисты являлись только закулисными подстрекателями.

Связь прервалась не только с центром, но даже с отдельными частями. На поездах ловили и арестовывали русских офицеров. Неожиданный арест генерала Кутепова создал задержку в принятии на месте какого-либо ответственного решения, которая всякое действие делала теперь уже невозможным.

Генералу Витковскому пришлось самостоятельно принимать меры к выходу из создавшегося положения, пока, с большими трудностями, не прибыла новая директива Главнокомандующего: при сложившихся обстоятельствах надлежало попытаться, не уходя из Болгарии, восстановить положение, хотя бы ценою полускрытого существования Армии. Явный провал Генуэзской конференции должен был заставить болгар быть более уступчивыми; с другой стороны, уход из Болгарии, возможный только в случае его внезапности, теперь не мог встретить поддержки ни одного из европейских государств. Генералу Витковскому было предписано организовать в возможно широкой мере групповые работы, чтобы перевести армию на самообеспечение. Такая организация, напоминающая «рабочие артели», с одной стороны, сохраняла на более долгий срок имеющиеся средства, а с другой – была наиболее удобной формой для полулегального существования армии. При этом было подчеркнуто, что «взаимоотношения между чинами армии остаются старые», и, «временно оставив родные ряды, они остаются русскими воинами, чинами Русской Армии». Сохранялась и внешняя эмблема Русской Армии – военная форма. В самый разгар успешно начатых усилий по устройству русских частей на работы (главным образом, на mine Перник), последовали, после некоторого перерыва, новые гонения.

В июле 1922 года Верховным Административным Советом было вынесено постановление: 1) о принудительном распылении русских небольшими рабочими группами по 15–20 человек, с подчинением этих групп особым поставленным лицам из болгар; 2) о высылке из Болгарии всех начальствующих лиц; 3) об уничтожении штабов и военной организации и 4) о полном разоружении «врангелистов».

Назначенный незадолго до этого начальником штаба Главнокомандующего генерал Миллер был командирован в Болгарию, и ценою невероятных усилий и исключительного такта ему удалось достигнуть компромисса, при котором постановление не приводилось в действие; но постановление не было отменено – и висело над нами дамокловым мечом. Для его применения болгарское правительство искало только повода и начало целый ряд провокаций. Производились обыски «с целью отыскания оружия»; целые части изгонялись из казарм; в ночь на 16

августа в Великом Тырнове без всякого повода был убит болгарским солдатом юнкер Сергиевского артиллерийского училища Лобода²⁰; в воздухе носилась возможность террора.

Всего этого оказалось мало: Русская Армия не поддавалась на провокацию. Тогда был применен старый способ – подложные документы, тем более что в Тырнове собирался «Великий Собор» буржуазного блока, и правительство хотело, связав этими подложными документами Русскую Армию и буржуазные партии, одним взмахом распылить Русскую Армию и уничтожить ненавистный блок.

Как были составлены эти документы и какого они были содержания – об этом с эпическим спокойствием рассказывает обвинительный акт комиссии Добриновича: «К концу месяца июля 1922 г. Чайкин и его товарищи нанимают пишущую машину Леонида Джунковского, улица Аспарух, номер 55, переписывают на ней подложные документы, будто бы исходящие от генерала Врангеля и скрепленные начальником штаба генералом Шатиловым, генералу Миллеру и другим; подписи на них (Врангеля, Шатилова и др.) подделаны юнкером художником-каллиграфом Володей, который имел перед собой настоящие их подписи на других бумагах.

Документы следующие: 1) От 17 августа 1922 г., секретно, в собственные руки, Командующему 1-м армейским корпусом (в то время командующим этим корпусом был генерал-лейтенант Витковский, со своим штабом в городе Тырнове). Приказом производятся только распределения должностей в корпусе и замена одних начальствующих лиц другими; цель его составителей была, чтобы поверили, что он не конспиративный. 2) От того же числа за № 2642, г. Белград, совершенно секретно, в собственные руки, адресованный генерал-лейтенанту Миллеру, подписанный генералом Врангелем как Главнокомандующим и начальником штаба генерал-майором Шатиловым (последний – генерал от кавалерии и в то время не был начальником штаба); им предписывается как начальникам русских войсковых частей, расположенных в Болгарии, вступить в переговоры с болгарскими буржуазными и военными партиями по вопросу о формировании нового министерства, о перевороте и занятии больших центров в Болгарии русской врангелевской армией, для того чтобы Болгария стала исходным пунктом для войны с советской Россией; в новом министерстве (правительстве) военным министром должен быть русский генерал, назначенный Врангелем; совместно с представителями болгарских буржуазных партий должен выработаться список начальствующих лиц в Болгарии, которые должны быть арестованы и преданы военно-полевому суду, составленному из русских офицеров; немедленно представить генералу Врангелю план местонахождения важных пунктов в Софии, как телеграфа, арсенала и др., которые должны быть заняты войсковыми частями при перевороте; представить ему же мобилизационный план всех русских до 50 лет. 3) От начальника штаба генерала Шатилова от 16 августа 1922 г. за № 2641, г. Сремски Карловцы, командиру 1-го корпуса (тогда был генерал-лейтенант Витковский, со штабом в городе Тырнове), совершенно секретно, в собственные руки, которым ему сообщается, что начальнику отряда русских войск в Галлиполи, генерал-майору Мартынову, Главнокомандующим был отправлен следующий приказ: немедленно приготовиться к походу, войти в переговоры с главным французским начальником в Галлиполи и с начальником Адрианопольской греческой дивизии, по вопросу о беспрепятственном походе через греко-болгарскую границу, пройти Свиленград и Хебибчево и соединиться с Николаевским инженерным училищем и Кубанскими войсками из училища имени генерала Алексеева и тронуться в поход через Адрианополь, как только получит телеграмма – в добрый путь, – чтобы овладеть Болгарией. Примечание: генерал Шатилов перестал быть начальником штаба еще 27 марта 1922 г. по поданной им отставке, которая принята того же числа приказом генерала Врангеля за № 242, который в подлиннике прилагается при настоящем докладе; видно, что фальсификаторы не знали об этом приказе. 4) От начальника штаба 1-го армейского корпуса, полковника Бредова²¹, от 24 августа 1922 г., без №, г. Тырново, начальнику контрразведывательного отделения, совершенно секретно, в соб-

ственные руки, – которым ему предписывается, по приказанию командира корпуса, представить, самое позднее до 13 сентября этого же года, список болгарских военных начальников, которые относятся враждебно к Русской Армии, чтобы они были поставлены под постоянный надзор и, в случае необходимости, арестованы и преданы военно-полевому суду из офицеров Русской Армии. 5) От этого же начальника штаба, этого же числа, г. Тырново, вместо № – раз., начальнику контрразведывательного пункта штаба 1-го армейского корпуса, совершенно секретно, в собственные руки, – предписывается ему, чтобы не позже 15 сентября этого же года представить ему для доклада командиру корпуса план важных пунктов в Софии, как вокзал, арсенал, радиостанция, почта и телеграф, водопровод, казармы, станция электрического освещения, министерства и другие учреждения, между которыми жандармские и полицейские, которые могли бы безболезненно перейти в русские руки; для этой цели – плана – начальник немедленно должен назначить своих сотрудников».

Документы были подделаны, как видно из предыдущего, грубо (полковник Бредов, например, с июля месяца находился в городе Свищове и не мог 24 августа подписывать бумаги в Тырнове); но подписи были сфабрикованы так хорошо, что наш военный представитель, генерал Ронжин²², не зная о содержании документа, склонен был признать их за подлинные.

Фотографические снимки с этих документов тотчас появились в печати. Произошло невиданное еще возмущение против Русской Армии. При самом деятельном участии большевистского агента, исключенного по суду бывшего капитана Щеглова, производились по всей Болгарии обыски и аресты. Все старшие начальники были арестованы и препровождены в Софию, где провокатор Щеглов позволил себе предложить генералу Витковскому отдать по корпусу приказ о признании Советов и переходе к ним на службу. В «весьма секретной» сводке (корреспонденция чрезвычайного значения 5584) «заведующего восточным отделом» коммунистической организации, товарища Пастухова, на имя политического отдела РСФСР в Австрии и политического отдела РСФСР в Германии, деятельность Щеглова не встретила одобрения. «Деятельность Щеглова, – говорится в сводке, – за последнее время стала чрезвычайно развязной. В своих разговорах с Витковским он далеко превзошел те полномочия, какие ему были даны. Поэтому было бы желательным поспешить подыскать ему соответствующего заместителя, по возможности из числа служащих берлинского отдела ГПУ, как, например, товарища Безозарева или Курдиченко, которые бывали в Болгарии и, кроме того, имеют связи в среде добровольческих офицеров. Излишняя болтливость Щеглова дала возможность врангелевскому штабу заранее предпринять шаги против мер воздействия, предположенных Болгарией по отношению к интернированным частям. В силу этого Даскалов в настоящий момент лишен возможности исполнить свои обещания по отношению к Тырновскому району без осложнений с французской военной миссией, которая, по настоянию Врангеля, уже вошла с соответствующими представлениями к болгарскому правительству». При участии помощника градоначальника Трифонова, для возбуждения общественного мнения, во двор русского посольства было подброшено «найденное» затем оружие.

Главное командование настаивало перед болгарским правительством о производстве расследования и назначении суда над всеми якобы скомпрометированными генералами, в уверенности, что таким путем удастся доказать подложность документов.

Как тогда, когда французы пытались уничтожить Русскую Армию в Галлиполи и на Лемносе, так и теперь пронеслась могучая волна протеста против «болгарских зверств», как окрестило эту полосу гонений русское офицерство. В резком письме на имя министра-председателя Стамболийского, подписанном рядом русских организаций Парижа, выражался «категорический протест против возмутительных действий болгарского правительства в отношении расселенных по его же приглашению в Болгарии сынов русского народа, который своею кровью добыл свободу болгарскому народу». «Мы обращаем Ваше внимание, – говорилось в письме, – что коммунисты, толкающие Вас на эти преступные по отношению к русским действия, не

вечны в России; близок их конец. И тогда освобожденная Россия потребует Вас к ответу, на который Вам уже не придется отмалчиваться». Протест подписали: от Русского Национального Комитета – М. Федоров и Ю. Данилов; от Финансово-Промышленного Союза – С. Третьяков и Т. Белозерский; от Комитета Представителей Русских Банков в Париже – граф В. Коковцев и Я. Самвич; от Союза Русских Инженеров за границей – П. Финисов и Н. Зурабов; от Союза Русских Офицеров – Участников Войны – К. Сычев; от Союза Офицеров Генерального Штаба – М. Суворов; от Русского Отдела Лиги Комбаттантов – П. Половцов; от Юридического Общества – П. Старынкевич; от Союза Русских Адвокатов За границей – Мандельштам; от Русского Парламентского Комитета – В. Гурко. Российский посланник в Софии А.М. Петряев в полном согласии с французским посланником господином Пико, принявшим самое ближайшее участие во всем этом деле, оказал большое давление на Министерство иностранных дел. Дипломатический корпус категорически заявил, что ни о какой «высылке в Советскую Россию», как угрожали болгары, не может быть и речи.

Правительство должно было умерить свою коммунистическую услужливость. Однако вместо назначения гласного суда правительство выслало всех начальствующих лиц и большое число русских офицеров из пределов Болгарии. Высланные нашли себе приют в Сербии.

Насилие, учиненное болгарским правительством над Русской Армией, не погубило все же военной организации. Были сняты погоны – эта внешняя эмблема, – но под беженским платьем еще сильнее забилося сердце и еще острее почувствовалась необходимость – моральная и практическая – держаться вместе, сохранять свою спайку и свой воинский дух. На место высланных начальников в тот же миг встали новые, их заместители, чисто автоматически, согласно воинскому уставу. Все знали, что, если и они будут высланы, их место автоматически займется следующими. Организация оставалась прежней; произошло только своеобразное «омоложение» командного состава.

Весь этот командный состав глубоко законспирировался. Корреспонденция направлялась по частным адресам, в форме личных писем, приказания передавались часто в виде условного кода – но организация жила и выполняла свою ответственную задачу данного момента – устроить на работах тысячи людей, брошенных судьбою в самую мрачную обстановку.

Кроме нестерпимого политического положения, перед всеми частями была чисто материальная угроза. Остаток депонированного фонда в 11 000 000 левов был болгарами арестован; большое количество принадлежащего армии имущества было конфисковано; многие предприятия боялись брать на работу русских из опасения всяких осложнений. Ко всему этому – надвигалась зима. Однако и в этих условиях воинская спайка не распалась. В распоряжении начальников частей оставался так называемый «запасный паек», дававший возможность нетрудоспособным и больным кое-как перебиваться. Зарекомендовавшие себя прекрасными работниками, русские, несмотря ни на что, получали работу.

Политическая обстановка тоже несколько рассеялась. На Лозаннской конференции Стамбулийскому дали понять, что игра болгарского правительства с коммунистами не встречает сочувствия. Попытки представителя большевистского Красного Креста смущать наши части возвращением на родину окончательно провалились. Наступал 1923 год.

В этот год «дружбашское правительство» понесло наказание за свои многочисленные преступления. Действующий в полной конспирации «Народный сговор» – блок буржуазных политических партий – в ночь с 8-го на 9 июня арестовал все правительство. Болгарская армия оказалась на стороне восставших. Стамбулийский и ряд видных земледельческих деятелей были убиты.

Единственный из остававшихся в Болгарии высших чинов Русской Армии, генерал Ронжин, по приказанию Главнокомандующего, подал 25 июня 1923 года новому военному министру Царства Болгарского докладную записку о положении русских частей. Изложив историю принятия Русской Армии Болгарией и нарисовав всю картину гонений, генерал Ронжин писал:

«Приветствуя в Вашем лице, господин Министр, и в лице членов нынешнего Совета Министров Болгарии новую власть, являющуюся символом законности и порядка, я имею честь покорнейше просить: 1) Реабилитировать всех чинов Русской Армии в форме особой декларации от имени правительства о том, что чины этой Армии всегда были лояльны по отношению к болгарской власти, никогда не вмешивались во внутренние дела Болгарии и ни в каком заговоре в ниспровержении бывшего земледельческого правительства с блоком не участвовали. 2) Разрешить вернуться всем высланным из Болгарии, как невинно пострадавшим; список их при сем прилагается. (В списке значатся: 1) генерал от инфантерии Кутепов, 2) генерал от кавалерии Шатилов, 3) генерал-лейтенант Вязьмитинов, 4) полковник Алатырцев, 5) генерал-майор Георгиевич, 6) генерал-майор Федоров, 7) полковник Гордиенко, 8) генерал-майор И кишев, 9) генерал-майор Штейфон, 10) генерал-лейтенант Миллер, 11) генерал-лейтенант Витковский, 12) генерал-лейтенант Репьев, 13) генерал-майор Кельнер, 14) генерал-майор Сниткин, 15) генерал-майор Бредов, 16) полковник Лукошков, 17) генерал-майор Пешня, 18) генерал-майор Туркул, 19) генерал-майор Манштейн, 20) полковник Хабаров, 21) генерал-майор Зинкевич, 22) генерал-майор Шведов, 23) генерал-майор Ползиков, 27) генерал-майор Эрдман, 28) полковник Осипов, 29) генерал-майор Буров, 30) генерал-майор Казьмин, 31) генерал-майор Градов, 32) полковник Марков, 33) генерал-майор Власенко, 34) генерал-лейтенант Абрамов, 35) полковник Ясевич, 36) генерал-лейтенант Татаркин, 37) полковник Зимин, 38) генерал-майор Лобов, 39) полковник Афанасьев, 40) генерал-майор Максимов, 41) полковник Чарвинов, 42) генерал-майор Попов, 43) полковник Сорокин, 44) корнет Аксенов, 45) поручик Думбадзе, 46) подпоручик Даватц, 47) штабс-капитан Рыбинский, 48) штабс-капитан Бровкович, 49) полковник Краснописцев, 50) подполковник Федоровский, 51) генерал-майор Российский, 52) полковник Сергеевский, 53) полковник Антонов, 54) полковник фон Эссен, 55) полковник Иванов, 56) полковник Рейс, 57) подполковник Котляр, 58) подполковник Щепин.) 3) Возвратить все принятые при различных обысках бумаги и документы как не содержащие в себе ничего преступного и в то же время имеющие для нас историческое значение, и 4) Восстановить нас во всех правах, которыми мы имеем право пользоваться, согласно договору, заключенному нами при переезде в Болгарию».

Несмотря на полное сочувствие совершающемуся перевороту, все наши части остались в полной мере нейтральными. Привожу целый ряд донесений. Из Орхания писали: «Несмотря на полную нашу непричастность к случившемуся, есть сведения, что нас все же в некоторых кругах считают соучастниками и, если последует контрпереворот, особенно с участием коммунистической партии, то чувство самосохранения, вероятно, заставит и нас выступить, даже если бы мы этого не хотели». Из Горно-Паничерева доносили: «Мы везде руководствовались ранее бывшим приказом Главнокомандующего. Во многих местах большевики обвиняют русских в участии в перевороте, что, к сожалению, не лишено иногда оснований; но со стороны чинов армии этого замечено не было». Из Пловдива сообщают: «В первые дни переворота были приглашения со стороны отдельных болгарских офицеров и нам взяться за оружие для поддержания нового правительства, но мы на это отвечали, что это их чисто внутренние дела и что русским не следует вмешиваться». В Бургасе на аналогичное предложение генерал Греков заявил, что «без разрешения генерала Врангеля он не может начать формирования дружин из русских». «На прощание, – говорилось в донесении, – собеседник, улыбаясь, спросил: «Ну а если в городе выступят коммунисты, можем ли мы тогда рассчитывать на ваше содействие?» На это старший корниловской группы ему ответил, что коммунисты – наши исконные враги и в случае их восстания чины армии едва ли могут остаться безучастными зрителями».

Нужно поистине удивляться выдержке русских войск при этих исключительно трудных обстоятельствах. Едва ли нужно говорить, какая ненависть окружала имена падающего правительства и как трудно было этим «ландскнехтам», как любят выражаться наши левые недоброжелатели, удержаться на нейтральной позиции и остаться верными приказу Главно-

командующего. Но во всех этих донесениях чувствуется тревога за будущее. Всеми чувствуется ожидание того момента, когда оставаться нейтральными станет невозможно. Один из видных общественных деятелей, профессор К.Н. Соколов, пишет генералу Шатилову 6 июля 1923 года: «В стране полное спокойствие, но масса взрывчатого материала, и осенние месяцы будут критическими. В случае контрпереворота нас всех, и штатских, и военных, просто и без остатка перевернут».

Тревожный прогноз этот оправдался уже в конце сентября, когда по всей Болгарии началось выступление коммунистов, переходящее порою в настоящие бои; но тут уже был открытый враг – и имелась директива Главнокомандующего. Русские части спешно организовали отряды самообороны и по заранее подготовленному плану стянули работавших в определенные сборные пункты, вооружаясь как возможно. В тех случаях, когда требовали обстоятельства, русские части уже были способны оказать сопротивление.

Особенно тяжелое положение создалось на северо-западе Болгарии, в районе Белоградчика, где располагался Марковский полк, под командованием генерал-майора Пешни. К вечеру 23 сентября коммунисты повсеместно захватили власть в свои руки и объявили советскую республику. Генерал Пешня²³, в предвидении этого, подробно разработал план самообороны и наметил частные сборные пункты для работающих в различных районах: по этому плану, собравшись в отдельных пунктах, марковцы должны были идти крупными партиями на соединение с полком в городе Белоградчике.

Болгарский гарнизон в Белоградчике насчитывал всего 30 человек и фактически был бессилен. Генералу Пешне со своими марковцами приходилось рассчитывать на собственные силы. Город был со всех сторон окружен восставшими коммунистами; оставалась только связь по направлению к городу Вид ину. Генерал Пешня сформировал отряд русских из 400 человек, в котором находился двухорудийный гаубичный взвод, и, оставив небольшую охрану в городе, выступил из него на соединение с прочими частями полка в районе Братцы. В охваченном восстанием районе генерал Пешня собрал отдельные группы марковцев, не успевших соединиться, и направился на Вид ин.

Группа марковцев в количестве 21 человека в районе Рахово два дня защищала город под командованием капитана Керна²⁴, но, уступая силе, погрузилась на австрийский пароход и была перевезена в Вид ин, где влилась в организованный русский отряд, под командой генерал-майора Курбатова. Отряд этот двинулся по железной дороге и соединился на станции Брусарцы с ядром генерала Пешни. Генерал Пешня обладал теперь уже значительными силами и имел возможность не только отбить все атаки коммунистов, но очистить весь район. Восстание, быстро распространившееся, было столь же быстро и энергично ликвидировано.

То же произошло в целом ряде других мест, где наши части, собираясь вокруг старших офицеров, неизменно одерживали верх. Правительственные болгарские войска, хотя и крайне ничтожные по численности, вследствие требования Нейльского договора, проявляли высокие боевые качества и преданность новому правительству. Красному знамени не удалось развернуться над Болгарией.

Злое семя, посеянное Стамболийским на болгарской земле, и его преступная связь с большевиками дали ядовитые плоды. Плоды эти были вырваны. Слова генерала Врангеля, что «прольется братская» кровь, и русские части принуждены будут «сомкнуть свои ряды», блестяще оправдались. Но, «сомкнув ряды», они также скромно разомкнули их и, по прекращении опасности, разошлись по своим работам.

«Счастлив отметить, – писал генерал Врангель в приказе 16 октября 1923 года, – что в эти тяжелые дни все гг. офицеры, солдаты и казаки снова проявили полную выдержку и самообладание, в точности выполняя указания мои о невмешательстве во внутренние дела приютившей их страны и в то же время по мере сил мужественно защищая находящихся при частях женщин, детей и инвалидов в часы опасности. Горячо благодарю всех дорогих соратников, выполняв-

ших беззаветно свой долг. Отдельную благодарность приношу славным марковцам, во главе с доблестным генералом Пешней, мужественной защите которых многие русские семьи обязаны жизнью».

После подавления коммунистического мятежа жизнь русских частей вошла в обычную трудовую норму. Болгарское правительство удовлетворило просьбу генерала Ронжина. Расследование преступлений дружбашского правительства, завершившееся заключением комиссии господина Добриновича, сняло с русских несправедливое обвинение и закончилось преданием действительных виновников болгарскому суду. Арест с имущества и денежных вкладов в Болгарский банк был снят. Высланные начальники получили разрешение вернуться к своим частям. И все эти «болгарские зверства» еще более спаяли чинов армии друг с другом и дали еще новый запас сопротивляемости против ударов судьбы.

По лицу земли

Второй период жизни Русской Армии – период подготовки к переходу на трудовое положение – можно считать законченным после наступления спокойствия в Болгарии. Для Сербии он начался еще раньше; но болгарские события не давали возможности закрепиться новым формам и начать третий период – переход армии на самообеспечение.

«Самообеспечение» армии вовсе не знаменует собою такого состояния, когда всем отдельным чинам ее обеспечен минимум средств к существованию. Дать русским воинам возможность своим трудом зарабатывать себе хлеб было одной из насущнейших задач Главного командования; но это была главная, но не главнейшая задача. Армия не могла превратиться в посредническую контору или биржу труда; помощь отдельным лицам не могла сделаться самоцелью. Сохраняя основу каждой армии – человеческий материал – Главное командование, раз оно не отказалось от мысли о значении армии, должно было заботиться прежде всего о сохранении всей организации.

Сама организация могла и должна была принимать новые формы, в зависимости от внешней обстановки. Подобно тому как во время боя походная колонна разворачивается в резервную, заменяется линией колонн, переходит в развернутый строй и заканчивается рассыпным строем, так и во время этого тягчайшего боя в обстановке изгнания пришел момент принять рассыпной строй.

Для постороннего зрителя, на которого действует вид военных перестроений, рассыпной строй может показаться беспорядком, но он тем и отличается от неорганизованной толпы, что, предоставляя свободу личной инициативы, он сохраняет, не менее походной колонны, общее управление над людьми.

То, что было заложено в Галлиполи и на Лемносе, то, что было закалено в борьбе с коммунистическим натиском в Болгарии, наконец, то, что приобреталось в тяжелом повседневном труде, – все это позволяло уже не беспокоиться за прочность военной спайки. Все эти лица уже не нуждались больше в казарменном режиме. Смотря по обстоятельствам им можно было придавать различную организацию, начиная от чисто полковой организации отдельных рабочих групп в Сербии, переходя к форме рабочих артелей и кончая совершенно свободными студенческими землячествами.

Но воинскими частями, прибывшими из Крыма, не ограничивалась Русская Армия. Кроме них, по лицу земли были разбросаны русские офицеры и солдаты, принимавшие участие в противобольшевистской борьбе на других фронтах или совсем не принимавшие в ней участия, но являющиеся такими же чинами Русской Армии. Они, как отдельные лица, были брошены в водоворот жизни. Они, естественно, сразу же окунулись в эту жизнь, сразу же захлестнулись интересами окружающей среды. Каждый из них оставался по-прежнему воинским чином; но все вместе они не представляли из себя воинской организации.

Однако и в этой обстановке они неизменно стремились друг к другу и образовывали слабые профессиональные военные союзы. Учитывая это и придавая значение возможно большему единообразию в их конструкции, уже в апреле 1921 года был утвержден Главнокомандующим «нормальный устав» и военным представителям разных стран дано задание – не только содействовать образованию союзов, но и объединять их по каждой стране общим руководством.

В письме генералу Шатилову еще от 26 сентября 1923 года генерал Врангель так обрисовывает значение союзов: «...Армия, нашедшая себе приют на Балканах, ныне стала на ноги, за участь ее мы можем быть спокойны. Вокруг нее надо собрать тех воинов, которые рассеяны по всему миру. В дальнейшем, по мере того как наше изгнание будет длиться и чины армии в поисках работы будут постепенно оставлять ряды родных частей и, прибывая в ту или иную страну, входить в офицерские союзы, это различие между собственно армией и объединенным в союзы офицерством будет сглаживаться».

Союзы мало-помалу крепили – и, конечно, не могли не тянуться к основному ядру – Русской Армии. Ядро это явилось могучим объединяющим и организующим центром. Но на пути к этому объединению встали значительные препятствия. Препятствия эти были двух родов: внутреннего и внешнего.

Внутренние препятствия проистекали от условий самого образования союзов. Они возникли в совершенно мирных гражданских условиях жизни и, естественно, восприняли многое, что не укладывалось в рамки военной организации, несмотря ни на какие уставы: между формами совершенно свободной ассоциации и формами воинской жизни должно было быть внутреннее несогласие.

Внешнее препятствие состояло в том, что военные союзы легко подпадали под влияние политической агитации извне, – из воинских частей они превращались в политические клубы.

Перед Главным командованием встала задача: приблизить формы жизни союзов к воинскому укладу и тем сделать возможным широкое объединение всех воинских чинов за границей. Приказ № 82, о котором шла речь выше, был вызван именно этими обстоятельствами. Приказ этот ограждал союзы от влияния политических группировок и впервые применял к независимым общественным организациям воинское приказание.

Мы уже видели, как после некоторой борьбы привычное чувство офицеров одержало верх над непривычным чувством гражданской свободы: приказ был принят подавляющим числом союзов. Но с того момента, как он был принят, уничтожалась принципиальная грань, разделяющая две части Русской Армии. Оставалось углубить и закрепить новое положение, и 1 сентября 1924 года был отдан приказ об образовании Русского Обще-Воинского Союза.

В Русский Обще-Воинский Союз включались все воинские части и воинские союзы и общества, принявшие к исполнению приказ № 82, а также те, которые в будущем пожелали бы присоединиться к объединению. Внутренняя жизнь, регламентируемая уставом отдельных обществ, сохранялась в силе; Русский Обще-Воинский Союз как бы объединял все воинские организации. В своем административном управлении союз делился на отделы, во главе которого становились начальники отдела, непосредственно подчиненные Главнокомандующему, которым давалось общее руководство по деятельности отделов.

Таким образом, устанавливалось существенно новое положение, которое несомненно было присуще офицерским организациям, но которое не фигурировало ни в одном из уставов. По этим уставам выбранный председатель являлся только исполнительным органом избранного его коллектива; теперь возможны были общие указания, и идущие не снизу, но сверху. Такое переходное – и внутренне противоречивое – положение продолжалось до приказа Верховного Главнокомандующего, приравнявшего военные союзы к воинским частям. Согласно этому приказу председатели офицерских союзов назначались властью Верховного Главнокомандующего: принцип выборности заменился постепенно принципом назначения (из общего

числа военных союзов исключен только Союз Военных Инвалидов, как организация чисто гуманитарная). В руки Великого князя переходила теперь военная организация, с таким большим трудом сохраненная среди всеобщего распыления.

Для того чтобы завершить большое дело объединения, потребовалась планомерная, упорная и продолжительная работа. Случайные средства Главного командования истощились к осени 1922 года; ликвидация к этому времени Ссудной Казны давала возможность впервые составить сметные предположения на более или менее продолжительный срок и расходную смету на период с 1 октября 1922 года до 1 апреля 1924 года. Однако практически смета утверждалась только на ближайшую четверть года – и в каждый последующий период проводились новые и новые сокращения.

Уже к осени 1922 года почти все чины армии стали на работу, но дальнейшее проведение в жизнь намеченного плана не прекращалось, и 16 апреля 1923 года начальнику штаба Главнокомандующего, генералу Миллеру, было дано предписание «...в срочном порядке разработать меры для постепенного перехода работающих чинов армии на самообеспечение; наметить сообразно с условиями работ обязательные отчисления с заработной платы для образования капиталов больничных, страховых, организационных и т. д.; разработать положение о кассах взаимопомощи, взаимного кредита, сберегательных и т. д. В зависимости от условий работ и государства, где работают чины армии, меры эти могут быть разнообразны, но в конечном итоге должны привести к тому, чтобы в ближайшее время и по возможности не позже как к весне будущего года все части армии стали бы полностью на ноги».

Во исполнение указанного предписания стали копиться суммы про черный день. Отпускаемые Главнокомандующим в распоряжение начальников войсковых групп суммы на хозяйственные нужды частей, на помощь безработным и т. д. были обращены в «предельные»: неиспользованные кредиты возвращению Главному командованию не подлежали, оставаясь в распоряжении старших начальников и составляя так называемые «хозяйственные суммы» войсковых групп.

Эти суммы давали возможность в случае сокращения или прекращения казенных отпусков на ту или иную надобность покрывать наиболее насущные нужды. Из этих же сумм в дальнейшем частично покрывался расход по содержанию кадрового состава частей, так как содержание это за счет работы чинов части признавалось недопустимым, и этот принцип строго проводился в жизнь.

Одновременно накапливались капиталы и в самих частях. Суммы эти были двух родов. Части, стоящие на работах, обязаны были делать определенные отчисления в особый капитал, являющийся собственностью самих вкладчиков. Это были своего рода сберегательные кассы, но вкладчик, пока он состоял в части, лишен был возможности свободного пользования этими деньгами. Командир части являлся до некоторой степени опекуном над таким вкладчиком и, выдавая деньги в случае безработицы, болезни и пр., мог отказать в выдаче по первому немотивированному требованию. Деньги возвращались обязательно только лицам, уходящим из части совершенно. Подобные капиталы существовали и в мирное время в Русской Армии, в казачьих полках, и носили название «ремонтных».

Второй вид сумм состоял из обязательных взносов, которые не составляли уже собственности частных лиц, а являлись собственностью части. Эти обязательные взносы в различных местах установлены различно. В частях 1-го корпуса установлен единообразный ежемесячный взнос. По донесению генерала Витковского, процент вносящих колеблется от 32 процентов до 77 процентов списочного состава. Процент этот не имеет тенденции к понижению. В кавалерии и казачьих частях взнос этот определяется различно, по месту и доходности работ, и изменяется с изменением этих условий.

Накопление всех этих сумм давало возможность в случае временного прекращения работ обеспечивать перевозку рабочих групп с одного места на другое, оборудовать, где это явля-

ется необходимым, околodки, оказывать помощь отдельным безработным, временно потерявшим трудоспособность, поддерживать связь, давать информацию и пр. Странное и трогательное явление – чины армии, не получающие содержания, но вносящие свои взносы за великую честь состоять в ее рядах!

По мере того как части переходили на трудовое положение, отдельные чины и группы разъезжались в поисках работы в другие страны. По условиям рынка труда такое дробление было совершенно необходимо для нахождения работы, иногда это создавало даже возможность получения более выгодных условий.

Благодаря содействию Главного командования в различные страны Европы, главным образом во Францию, были перевезены на работы большие партии, по возможности целыми частями. Отдельные лица, переезжающие благодаря личным хлопотам и собственной инициативе, попадая на новые места, с особой радостью соединялись со своими однополчанами и входили в ту организацию, которая охватила теперь все места, где работают офицеры и солдаты Русской Армии.

Из Польши были вывезены, наконец, остатки той 3-й армии²⁵, которая начала свое формирование в последние месяцы обороны Крыма, была затем интернирована и невыносимо страдала после заключения Рижского мирного договора и падения Крыма. Положение ее было нестерпимо. Многие были заключены в концентрационные лагеря вместе с пленными красноармейцами и после подписания мира и обмена военнопленными рисковали быть отправленными в Советскую Россию. На положении «опекуна», пользующегося большими связями благодаря близости к главе государства маршалу Пилсудскому, стоял Борис Савинков с особым полусоциалистическим комитетом. Дисциплина падала, а жизненные условия ухудшались. Постановка на работы этих частей была воспринята ими как выход из плена.

Кроме Франции, групповые работы организовались в Бельгии – и везде устанавливалась та дисциплина, которая так выгодно отличала русских рабочих даже среди предпринимателей. Всюду налаживалась связь, ибо и в новом рабочем виде армия должна была оставаться неизменной.

В то время как в Болгарии и Сербии роль объединяющего рабочие группы облегчалась известной инерцией и старой привычкой к установившимся отношениям, в других странах приходилось прилагать особые усилия, чтобы не дать затеряться отдельным прибывшим лицам или даже целым небольшим партиям. Обычно по прибытии в ближайшие пограничные города партии разбивались на несколько групп и направлялись по различным предприятиям. Если предприятия эти не имели еще на своей территории наших военных организаций, то такие маленькие партии легко могли затеряться. Типичная рабочая среда, рабочая жизнь врывались каким-то новым враждебным потоком – и ощущение оторванности, тяжелый и беспросветный труд создавали пониженное и угнетенное настроение.

Приходилось «разыскивать» таких случайно затерявшихся. Делалось это опросом различных лиц, прибывающих в крупные пункты по своим личным делам, путем частной переписки, путем специальной командировки начальников армейских рабочих групп в промышленные районы и т. д. Нахождение таких «утерянных» и приобщение их к общей организации сразу поднимало и бодрость, и самочувствие. Назначался начальник такой затерявшейся группы. Ему давались инструкции – и новая ячейка была создана.

Кроме общего идейного значения таких организаций, сразу учитывалось и их практическое значение. Начальники рабочих групп единогласно отмечают то исключительно сильное и благоприятное впечатление, которое производит на администрацию промышленных предприятий организованность и дисциплинированность русских рабочих групп. Является совершенно обычным, что просьбы отдельных чинов группы, заявленные через начальника группы, почти не встречают отказа, в то время как просьбы от своего имени часто не удовлетворяются.

Администрация предприятий, видя организованность русских рабочих групп, очень часто выражает готовность идти на значительные материальные траты, если только они имеют целью улучшить обстановку всей группы. Были случаи, когда по просьбе начальника группы ассигновались крупные суммы на пополнение библиотек русскими книгами, оборудовались домовые церкви и священнику давалось от завода довольствие и квартира.

Кроме этого, отдельные организованные группы получали информацию, помощь при создании своих библиотек, при желании перевестись на другое место на работу, при просьбах об оказании юридического совета и т. д. Все это уже практически содействовало укреплению организации. И такими группами покрыта вся Европа, и, кажется, нет страны в мире, где не было бы таких «опорных пунктов» Русской Армии.

Если в первое время, пока не окрепло ядро, было так важно сохранить части по возможности в одном месте, то теперь уже не было опасности «распыления», которого так жаждал господин Милюков. Главное командование уже само стремилось рассредоточить армию по различным странам в лучших условиях работы. Еще 18 июля 1923 года Главнокомандующий в циркулярном предписании старшим начальникам указывал на необходимость «дальнейшего рассредоточения армии с целью улучшения условий жизни и работы». В подобном же предписании 28 марта 1924 года вновь подтверждается, что «нам отнюдь не следует опасаться дальнейшего неизбежного рассредоточения армии, отъезда отдельных лиц и групп на работы в самые отдаленные государства. Физическое разрежение армии не страшно. Духовная сплоченность ее остается недоступной для каких-либо внешних ударов. Это положение необходимо внедрять в сознание подчиненных вам начальников и младших чинов». Наконец, в предписании 24 марта 1925 года указывается, что, «как показал опыт, переброшенные во Францию и Бельгию кадры частей не только не уменьшились численно, но в некоторых случаях и возросли, включив в себя и часть тех чинов, которые, не выдержав тяжелых условий работы на Балканах, временно оставили ряды родных частей; в новых условиях работы, во много раз более легкой и лучше оплачиваемой, они получили возможность соединиться со своими соратниками», а потому начальникам войсковых групп на Балканах предлагалось «принять меры, способствующие переброске с Балкан войсковых частей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.